

У Р А Л Ь С К И Й

ISSN 0134 - 241X

снегони́м

4 (790) апрель, 2023 www.uralstalker.com

Древний лик

ЭТО НАША ГОРА!

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПО СИБИРСКОМУ ТРАКТУ

Апрель 2023

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, вёрстка – С.А. Секисов.

Редактор видеоконтента – Ю.В. Шлентова.

Корректор – С.В. Мартынюк.

Интернет – Е.В. Марков.

На обложке –

1 стр.: «Древний лик». Фото Евгения Тамплона.

4 стр.: «Государева дорога». Фото Юлии Шлентовой.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Пращевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2023 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №4 (790), 2023 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **«тема»**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №4, 2023 г.
Подписан к печати 28.03.2023 г. Дата выхода 04.04.2023 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №:

Встречный ветер

Наши проекты

М.ФИРСОВ

Зимнее

восхождение

состоялось 3

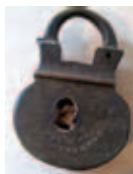

Юнкоры пищут

М.СИТНИКОВА

День Шигирского

идола26

В поисках

приключений

Н.ДУДКО

Дорога длиною

в несколько

сот лет 30

**Путешествие
по Уралу**

А.ЗАТОНСКИЙ

Неприступный..... 8

Фотолетопись

Д.ЖДАНОВ

Белых камней не найдёте 20

**Путешествие
по Уралу**

Ю.ШЛЕНТОВА

Наша

жизнь — это

путешествие!28

Природа в ладонях

Животный мир

М.БОКАЧЕВ

Глухариный

ток 18

Добрые попутчики

В.ДЕНЕКО

А давайте

проводим

солнышко!24

Экология

Н.ВЕХОВ

Царство Пельтигеры 43

Река времени

Топонимика

В.КАРЕЛИН

Денежкин

Камень — гора

«указатель» 14

Далекое-близкое

В.КУРОЧКИН

Уфимский

ковчег 34

Тропой поиска

А.КОПЫРИН

Столбовая дорога 38

Зимнее восхождение состоялось

Каждый поход начинается задолго до его активной части.

Вот и зимнее восхождение на пик Уральский следопыт рассматривалось не один год вначале как интересно, затем как возможно, и только недавно: а почему бы и не попробовать?

Историческая справка

Нет, не случайно, когда в редакции нашего журнала происходило обсуждение, какую вершину выбрать для восхождения, мнение было единодушным: «к лицу» гора в районе хребта Непрístupный... В том, 79-м, спустились по восточному гребню. Масса скальных участков. (журнал Уральский следопыт 1982, август).

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Фото Владимира Черепанова.

Летний поход с восхождением на вершину состоялся в 2013 году от верховых озёр ручья Пывсян-Шор из долины реки Косью (журнал Уральский следопыт 2013, сентябрь). При этом разведка, произведённая во время похода 2002 года, показала, что в лоб подниматься без снаряжения через рекомендуемые перевалы № 10 (1 Б) и № 12 (Пион, 2 А) небезопасно — многолетние снежники в скальном кулуаре, крутой склон (журнал Уральский следопыт 2002, сентябрь). Успешно подняться на вершину в тот год удалось через менее сложную вершину *Слава Бреста* и далее, траверсом по гребню через перевал № 10, перейти на пик *Уральский следопыт*. Обзор с вершины показал, что подъём с восточной стороны, от ис-

тока реки Вангыр значительно проще. Так устроены Уральские горы в этом районе: со стороны Сибири подъём менее крутой, но обрывается в Европейскую часть высокими скальными сбросами.

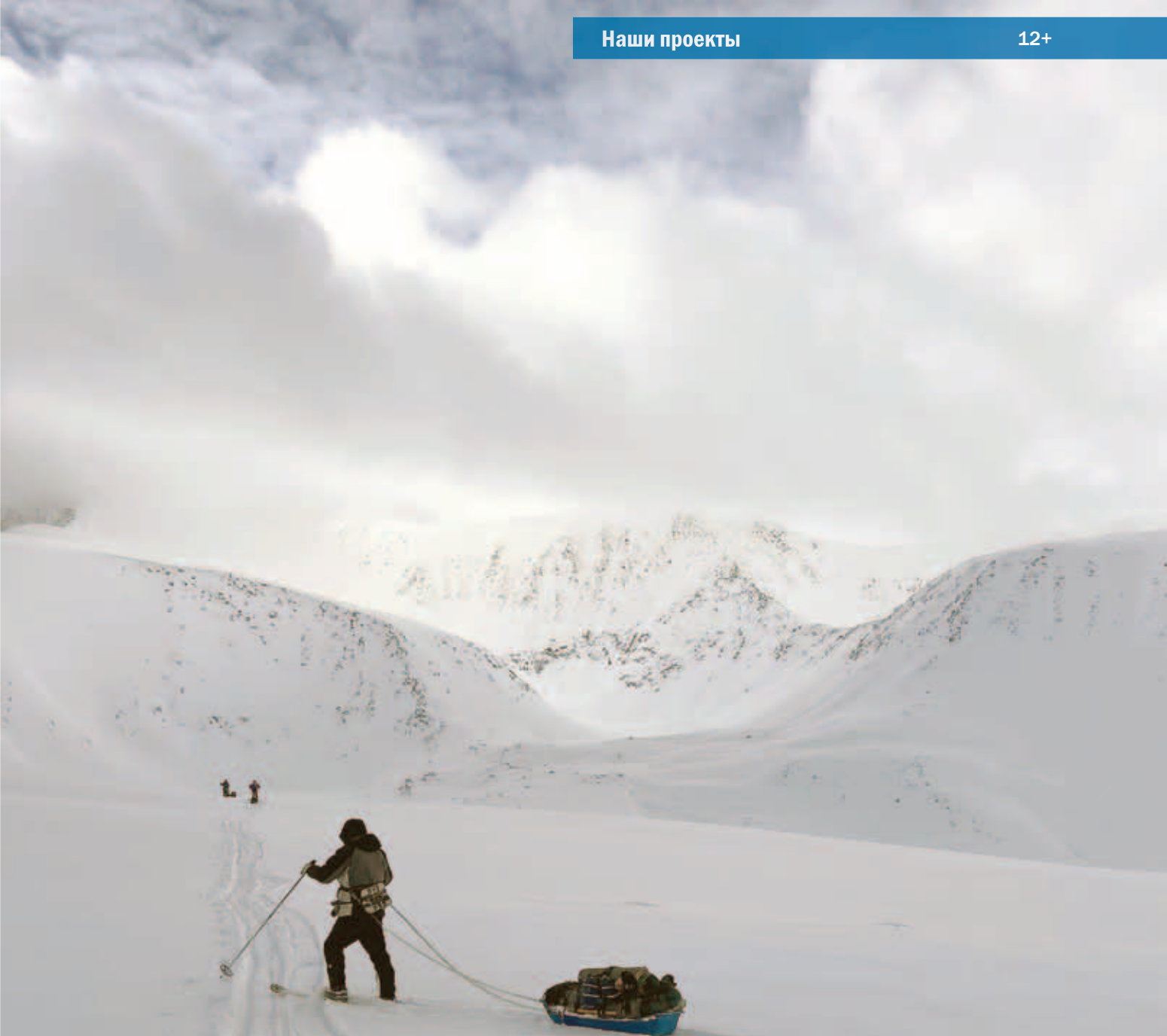
Зимний поход от приюта в долине реки Кось-Ю по долине ручья Пывсян-Шор планировался во время похода в феврале 2021 года. Многодневный снегопад, необходимость глубокой длительной тропёжки и решение туристической группы не пустили проверить, как оно выглядит зимой. Но необратимый теперь процесс изучения маршрутов, времени, комплектования снаряжения, обеспечения безопасности и формирования коллектива сподвижников пошёл.

Решено было отправиться весной 2023 года со стороны посёлка Саранпауль, преодолев предварительно на автомобиле тысячу километров от Екатеринбурга сначала по федеральной трассе до Югорска, а затем по зимникам на север до «Зырянской деревни».

В Зауралье в марте установилась уже тёплая погода: западный циклон перевалил Уральский хребет и растекался по долинам западно-сибирских рек, увеличивая в них расход воды и выгоняя вверх льда.

Наш путь лежал от Саранпауля через перевал в долину реки Манья, далее вверх по её левому притоку — Парнуку. Зимой в долинах рек все передвижения действительно возможны толь-

ко по снегоходке или путику — продавленной гусеницей снегохода колее.

К нашему появлению на Парнуке уже неделю шёл снег. Мягкий, пушистый снег, прибавлявший сантиметров по десять за ночь. Белый чистый снег, мартовские солнечные лучи от которого днём отражались, не нагревая поверхность.

Для лыжного путешествия в зоне леса такое путешествие — как тренажер-эллипсоид. Встал и пошёл, и так весь день. Предполагая передвижение по снегоходному путику в тайге и по насту выше зоны леса, на стадии подготовки снаряжения был выбран удачно показавший себя в прошлом зимнем путешествии способ транспортировки груза — волокуши. Укладываешь рюкзак в длинные и узкие сани, которые удобно двигаются в колее лыж-

ника, а по насту и вовсе скользят, мало обременяя туриста. Когда движешься не по склону.

На склоне появляются нюансы: в горку «тренажёр» настолько загружает идущего, что нередко приходится останавливаться и переводить дух. Чем круче горка, тем затяжнее дух. Снегоходка то и дело ныряет в распадки ручьев — тогда сани уже догоняют и придают путешественнику сзади неопределенный импульс. Приходится ускорять шаг, а чаще убежать, что в лыжах выглядит забавно. Но ещё интереснее двигаться с волокушами траверсом по склону. Даже небольшой наклон стремится опрокинуть сани набок из-за поднятого центра тяжести. Начинаются камлания при переукладке рюкзака или частые остановки для возвращения волокуш в транспортное положение.

Непросто выступать в роли гужевого транспорта.

Лесная зона закончилась, долина Парнука-ручья сузилась, стали то тут, то там появляться выкаты сошедших недавно лавинок с окружающих склонов. Две недели назад ведь было морозно, до минус тридцати столбик термометра опускался, ветрами снег спрессовался в жёсткий наст. А сейчас снег уже несколько дней продолжает идти, при этом температура чуть ниже нуля. Значит, поверх образовавшегося ранее наста собралась толстая и тяжёлая снежная доска. С какого же кулуара может вынести сорвавшийся пласт мокрого снега? Лавинные лопаты и щупы привязаны сверху для оперативного доступа при необходимости

Быстрее наверх, на перевал, который и повыше, да и горные склоны бу-

дут покороче. Вот хорошо, что не согласился на предложение купить отработавшие горнолыжный сезон пластиковые лыжи. Если нет хорошего камуса на скользящую поверхность, то силовые упражнения при подъёме на руках сделают или атлетом, или инвалидом. А вот на туристических деревянных «Бескидах» с металлической окантованной и хорошо пропитанной смолой поверхностью очень даже можно идти в перевал, по крайней мере попутчикам не уступать.

И вот на выходе с первого перевала, когда исток реки Парнук оказался внизу, за перегибом, а вся одежда вымокла от напряжённой работы, навстречу вырвался шквалистый ветер. Ну да, ведь поднимались мы по восточному склону перевала Санный, который закрывал от тяжёлого и сырого циклона. Зато на перевале, в понижении стены, ока-

залась аэродинамическая труба, где ветер разогнался до 20–30 метров в секунду. Снег при этом превращал поток воздуха в подобие пескоструйной машины — по лицу, прикрытому горнолыжными очками, секло нещадно! Значит надо не отдыхать, а быстро покидать продувные ворота. Видимость упала до ста метров.

Лагерь установили посреди большого чашеобразного кара, опоясанного с трёх сторон вершинами и скальными стенами. А с четвёртой, по которой мы только что поднялись, из долины безостановочно неслась и вихрилась белая пелена. Впервые строили снежную стену из кирпичей, вырезаемых здесь же в фирне. Ночёвка выше зоны леса в палатке с печкой (о топливе позаботились ещё внизу, сани вывезли) — кто хоть раз испытал такой способ отдыха после дневной борьбы — навсегда будет при-

вязан к горам! За стенкой завывает пурга, палатку полощет, все лыжи использованы под растяжки — а внутри домика все спят поверх спальников. Вышел по необходимости в ночь, обтёрся снегом и замер. В небе сквозь сплошное облако прорываются сполохи — то здесь, то там, то всё небо подсвечено. Притихло, и опять снежное молоко над головой переливается. Мозг начинает шалить от такой световой вакханалии, всё — пора в привычное пространство палатки.

Утро выдало часовое затишье и уплотнение мглы. Попытка, пока готовился завтрак, протропить дорожку в сторону перевала, лыжи ведь по-прежнему держат палатку, привела к пониманию, что направления нет, так как через пятьдесят метров в пелене пропала палатка. Впервые испытал, как это: идти прямо, принимая во внима-

Геологическая справка

Прогнозно-перспективный Манарагско-Маньхобюеско-Маньинско-Парнуковский рудный район размещается в субширотном сегменте Приполярного Урала, где наблюдается поворот структур Большого Урала с меридионального на северо-восточное (истоки рек Манья и Большой Паток), с чётким ответвлением на северо-запад (водораздел рек Вангыр и Большой Паток). С юго-запада рудный район ограничен Маньинско-Вангырским разломом северо-западного простирания, с севера — Манарагско-Народинским субширотным разломом.

В пределах этого блока размещается единственный на Приполярном Урале субширотный Вангарский гранитный массив. Вулканыты, слагающие покровы и субвулканические тела, представлены базальтами, трахибазальтами, пикрито-базальтами и долеритами.

Спецификой тектонической обстановки в указанном районе является наличие «горячей» разуплотнённой точки Земли (плума) и рифтингов, которые служили «каналами» для проникновения ультраосновного расплава и флюидных потоков глубоко залегающих (мантийных) магматических очагов.

ние ветер, освещение, предположительно магнитное поле, и через двадцать шагов выходить на свои же следы — паника в мозгу! А ещё приходит понимание, что снег действительно имеет много оттенков, вот только глядеть надо не прямо, а слегка боковым зрением. Тогда на уровне ощущения угадываешь, что где-то пухляк, заструги, понижения, надувы. Только разобраться надо — какой оттенок какой сущности соответствует. Но это дело опыта.

Выход на штурм вершины совпал с началом полноценной пурги. Один участник экспедиции вынужден был остаться в лагере усиливать ветровую защиту и обеспечивать сохранность снаряжения.

Только навигатор, загруженные карты, кошки и упорство позволили найти перевал. Весь склон покрыт снегом, уровень лавиноопасности определялся уклоном, глубиной снега, его оттенком и обостренным чувством опасности. Видимость по-прежнему метров пятьдесят, глазам не за что зацепиться,

полная прострация. Но ведь перевал № 10 всего-то 1Б, значит вполне проходим при должном усердии.

На перевальном перешейке ожидал сюрприз: обратный склон завершался надувом. При подходе поверхность под ногами словно выдохнула. Это обвалился и ушёл в долину Пывсян-Шор многокубовый снежный карниз. Перевальное седло сразу приблизилось метров на пять. Чтобы не искушать судьбу, к вершине двинулись справа от гребня, образованного каменными выступами, держа удаление не менее десяти метров. Ветер, снежная сечка, усталость и вот она — знакомая плита, надёжно прикрепленная к монолиту, наполовину занесённая снегом. Рядом тур, в котором десять лет назад в августе я оставил записку. Да разве до неё сейчас докопаешься! Развёрнутый флаг, фото на память у именной плиты, возле тура — других объектов в поле зрения не попадает.

16 марта 2023 года в 15:40

А ещё в щель у основания тура положили подарок следующим восходителям на пик *Уральский следопыт* — фирменную оранжевую шапку из флиса с логотипом. Ведь в таких же шапках пришли все участники экспедиции.

Теперь вниз, двигаясь опять по приборам, вспоминая появляющиеся из пелены складки рельефа, камни, скалы на грани различного. А теперь снежный кулуар вниз в цирк. Дождавшись допустимого выполаживания, сняли кошки и поехали на сидушках, подруливая палками.

Задача выполнена. Вершины, правда, увидеть не удалось: весь массив Исследовательского кряжа и примыкающий к нему хребет Непроступный так и остались в снежной круговерти размытыми силуэтами, отклоняющимися потоки воздушных масс.

Зимнее восхождение состоялось!

Кто пришлёт в редакцию фото с горы в фирменной шапке с вышитой надписью «Уральский следопыт» и мальчиком с ледорубом? **УС**

Неприступный

Обычно сложно одним-двумя словами описать гору, какая она есть. Слова при этом невольно подбираются затёртые и расхожие, хотя и верные — высокая, красивая, сложная. Хребет

Неприступный, расположенный на Приполярном Урале в истоках реки Парнук, даже описывать не надо. Он сам себя называет: неприступный. Это если одним словом. А двумя — жуть жуткая.

С восточной стороны, обращённой к богатому хрусталём плато Парнук, — это километровая, совершенно непроходимая каменная стена, практически вертикальная. Особенно грозно она смотрится с плато на закате, когда поверх чёрной неизвестности в глаза бьёт заходящее солнце. Не раз и не два мы вглядывались в неё, живо и наивно обсуждая возможности подняться сначала вон по той полке, а потом вон туда, и дальше по скале — но эти фантазии так и остались фантазиями. Наверное, и к счастью: до сих пор никто не прошёл на Приполярном Урале «про-

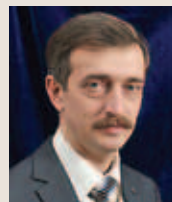
тив шерсти» перевал Гофмана, перевал Кристалл и вот эту стену. Впрочем, тут и «по шерсти», то есть спускаясь сверху на верёвках, никто не прошёл. Слишком уж высока вероятность, что очередная верёвка закончится, а там хоть шлямбур колоти — привязаться не к чему.

Нам бы крылья!

С западной стороны две вершины — Северный и Южный Неприступный — сильно отличаются. Тут можно попытаться счастья. Мы его пытали дважды. С первого раза,

в 2004 году, не получилось, «отскочили». Весь день карабкались вверх по скалам и кулуарам Южного, но упёрлись в громадный нависающий «балкон», и стало ясно, что всё. Крыльев нет, а без них никак.

В 2005 году снова оказались около Неприступного. В этом году были одновременно пройдены два первых в истории российского спортивного туризма похода высшей, шестой категории сложности по Приполярному: группой турклуба «Меридиан» из Перми и нашей. Как же не спланировать работу над ошибками? Ре-

Андрей Затонский

Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизации технологических процессов Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета. Мастер спорта и инструктор международного класса по спортивному туризму, Заслуженный путешественник России.

ХАНТЫ-МАНСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

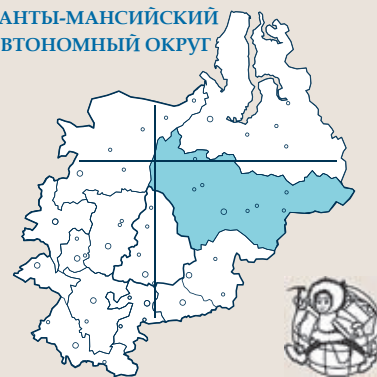

Фото автора

шили попробовать северный подъём. Проснулись пораньше, оценили погоду — дрянь, конечно, но не льёт пока — быстро-быстро обвесились «железом» и верёвками и тыгдымскими конями рванули вверх по Парнуку. Пока путь простой, идти надо быстро. Медленно мы потом, по-плохому потащимся, а времени всегда не хватает. Помнится, однажды радиальный выход с избы «Вангыр» на гору Озёрную у нас в восемь утра следующего дня закончился, с голодным и холодным ожиданием утра у костра в лесочке. А здесь, наверху на хребте, никаких лесочков нет, значит, спуститься надо успевать засветло.

На Северный поднялись довольно быстро и без проблем. Подъём скалистый и сыпучий, довольно крутой, этак 2А, но на четвереньках и без рюкзаков вполне проходимый. Точнее, есть только один неприемный кулуар, где можно обойтись без верёвок — мы его увидели снизу, прицелились и не промахнулись по нему. Подъём выводит на скальный перегиб на восточную сторону, где от одного взгляда вниз перехватывает дыхание, и невольно отшагиваешь назад. Кабы не сдуло ве-

тром, или не пошатнуться неудачно. Вниз-то чуть ли не километр лететь. Совершенно невероятная в обычной жизни высота, полторы Останкинской телевышки. А перегиб шириной меньше метра.

Помнится, на Сабле подобное место есть. Там надо перед самой вершинной перемахнуть небольшую щель, около метра или чуть больше. Вот только если запнулся — высота метров 800, и под тобой отвесная скала. Та самая, восточный склон Саблинского хребта, вид на которую — одна из «визитных карточек» Приполярного. Ой как трудно там шагнуть...

С нашей, западной, стороны склон Непреступного тоже не подарок, градусов под сорок уклон около Северной вершины. Бочком-бочком, осторожно и не спеша, выбрались на вершинное плато, над которым невысоко поднимается купол самой вершины. Как положено, на вершине тур, там записка, а в ней... ё моё. «Группа

такая-то, прошла гребень Непреступного от Южного к Северному, сложность 3А». Поясняю: 3А — это провесить порядка 15–20 верёвок, время прохождения примерно день. У нас-то полдня уже прошло, а на Южный всё же хочется! Должны же мы на нём побывать, хотя он так негостеприимно нас отшил в прошлом году! Погода прекрасная, солнышко изредка проглядывает, тучки такие симпатичные по всему горизонту... дождевые, чтоб им... чёрные-чёрные такие... Но ведь пока не лёт! Решено — 3А, не 3А, а пошли.

Жуть жуткая.

Дьявольское удовольствие

Идём траверсом, то есть на одной высоте вдоль крутого скального склона. Где-то подыскиваем полочки, где-то осыпь, где-то встречается настоящий лабиринт из непроходимых скальных выходов, загадка, квест «отъщи-ка проход». От верёвок тут

без толку, если делать всё правильно, действительно, два дня этот километр проवेशивать будешь. Каюсь, делаем всё неправильно, потому что спешим. Ну, и не совсем новички мы всё же. Можем оценить, где просто опасно, где смертельно опасно, а где непроходимо. Так-то почти весело тут. Съезжаешь на корточках с пятиметрового скального зеркала, внизу ловят и помогают не улететь в пропасть. Ложась на брюхо, переваливаешься через локальный гребень, нависая головой над восточным обрывом. Самое жуткое — когда несколько шагов надо пройти по самому-самому гребню, а он полметра шириной, местами поверх мох такой, скользкий и ездочий, с обеих сторон пропасть. С той только разницей, что налево просто лететь, а направо по скале кувыряться...

В общем, прошли мы эту «3А» часа за два. Как — сам до сих пор не понимаю. Как в насмешку, сама

вершина, как и Северная, это осыпное плато с небольшим возвышением посередине. Вечер, красота, идиллия. Лёгкий ветерок. Полная удовлетворённость жизнью в том смысле, что она ни у кого не прекратилась (а могла). Рыжее ласковое солнышко быстро садится в тучи, чёрные, набрякшие грозой и быстро-быстро приближающиеся. Эй, народ, какого игрека вы все тут расселись?!

Впрочем, в таких случаях больше действует не мат руководителя, а глубокое понимание глубины надвигающегося «песца» — серого и пушного, как ливневое облако. Перед нами грандиозная проблема выбора направления спуска. Это на гору ведь идти просто: вверх шлёпай, мимо вершины не промахнёшься. А с горы-то

Сложность склона	Описание
2А	Достаточно свободное движение без груза с нижней страховкой, при движении с рюкзаком необходимы перила; общее количество перил 3-5; время прохождения 4-6 часов
2Б	Даже при движении без груза необходимы искусственные точки опоры; общее количество перил 6-8; время прохождения 7-8 часов
3А, 3Б	Техническая сложность на уровне 2Б к. т., количество перил более 10; время прохождения, как правило, для 3А к. т. — более 1 суток, для 3Б к. т. — более 2 суток

во все стороны — «низ», причём неизвестно, через какой же из многочисленных кулуаров технически возможно спуститься. Чтобы он не закончился, скажем, скальным сбросом, по высоте превышающим длину верёвки. А угадать это невозможно. Поэтому поворачиваемся лицом на последние солнечные лучи, глубоко вдыхаем и сигаем в первый попавшийся.

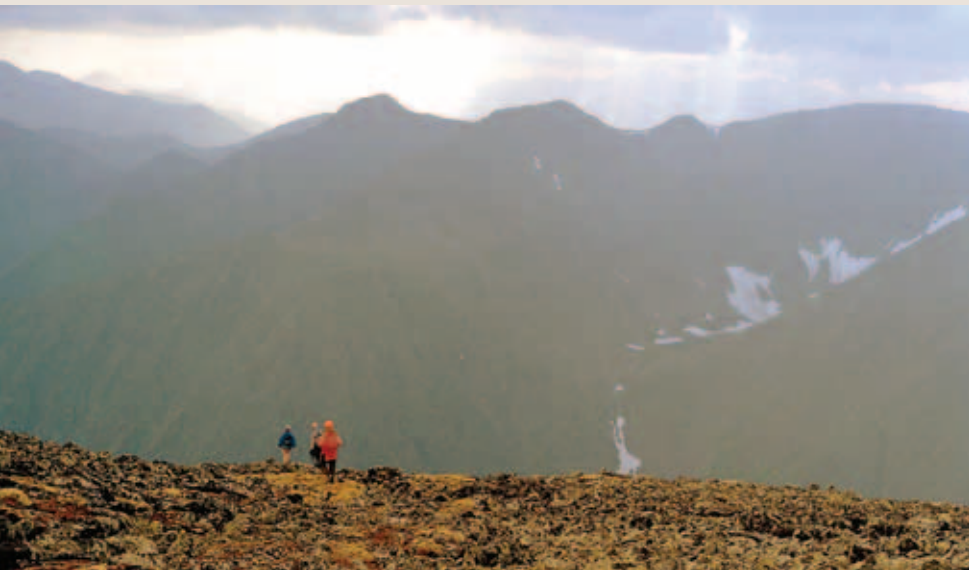
Ста шагов не прошли — кулуар схлопнулся, стал крутым и гладким. Ну, вяжемся. Только закрепили первую на этом спуске верёвку, полило. Этаким спуском по аквапарку. Горка «дьявольское удовольствие». По жёлобу весело бежит вода, глубиной то пять сантиметров, то двадцать пять, и мы по нему на заднице едем, пропуская верёвку через спусковые

устройства. Стоять на ногах почти нигде невозможно, чересчур скользко. Весело-то как, как в Анталии, даже веселее. И дождик тоже радуется, старается изо всех сил.

Честно, я не помню, сколько мы там верёвок провесили. Кажется, штук пятнадцать. Одна пришлось буквально в кобылью трещину — узкий вертикальный разлом под грандиозной скалой, по виду один

в один как шахматный конь. Сдёрнули неудачно, точнее, нерасчётливо — участник остался на крохотной полке без опоры... кое-как добросили ему «расходную» верёвку, которую резали на петли для привязки и оставляли их на склоне. Её в два слоя еле-еле хватило, чтобы добраться до точки закрепления следующих перил. Самое интересное, что нам действительно было весело при всём при этом! Один я параноидально орал на участников, чтобы не прикалывались излишне и не скакали козлами, а ехали вниз медленно и печально, но помогало плохо. Действительно же: Неприступный успешно взят. Мы до сих пор целы, и кулуар вот уже пошире и поположе, ещё немного, и ногами можно будет идти, а не на заднице через шаг, и вон уже сквозь черноту надвигающейся ночи проглядывает первый клочок травы на осыпном склоне...

Лежу в палатке, засыпаю под шум ливня. Только закрою глаза, а перед ними острый нож верхового гребня и скрюченные коллеги на траверсе. Жуть жуткая. Идиоты идиотские. Но прошли ведь, значит, можно спать. Пока ещё не вечно... **УС**

Денежкин Камень — гора «указатель»

В северной части Свердловской области расположена широко известная вершина с современным названием Денежкин Камень. Вторая часть такого топонима — Камень — происходит от старинного русского названия, характеризующего любые горы. Поэтому Камнем называли русские люди горы и на Урале, и в Сибири, и в Якутии: гора, хребет — Камень.

В верховьях реки Сосьвы (иногда именуемой Южной Сосьвой в отличие от Северной Сосьвы) возвышается горный массив, который на последних современных географических картах поименован как «Хребет Денежкин Камень». Положение его на местности — необычно. Он не входит в горные структуры Главного Уральского водораздела, а расположен примерно на 15 км восточнее его. Он как бы «выдвинут» к востоку от водораздела.

Высшей вершиной этого хребта является Денежкин Камень. Хребет имеет оригинальную особенность. Все реки, стекающие с его склонов, несут свои воды в Южную Сосьву. С северных

склонов стекают Малый и Большой Шегультан. С западных склонов — Каменушка и Талая, притоки реки Сольвы, впадающей в Южную Сосьву. С южных склонов — Весёлый Лог, Большая Супрея. На восток направляется Сухой Шарп, Быстрая и Тальничная. Получается, что со всех склонов хребет отправляет воды в реку Южную Сосьву, которая своими притоками как бы «берёт в кольцо» весь хребет.

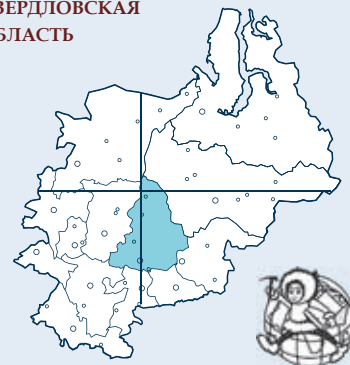
Высотная отметка Денежкина Камня — 1492 м. Он массивной громадой возвышается над окружающей местностью. Южные его склоны поднимаются над устьем речки Большая Супрея примерно на 1260 м. Поэтому Денеж-

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

кин Камень с востока и юга виден изда- лека. Из Черёмухово его громада пре- красно видна за 25 км. А из Красноту- рынска он просматривается на север- ном горизонте почти за сотню киломе- тров. Ныне вершина Денежкин Камень входит в состав заповедника «Денеж- кин Камень».

Побывал я на макушке Денежкина Камня неоднократно. И зимой, и ле- том. Особенно запомнилось мне зим- нее восхождение. Мы тогда совершали путешествие вдоль Уральского хребта: от горы Чистоп на севере, до Денеж- кина Камня. Восхождение соверши- ли из посёлка Сольвы (там тогда было несколько жилых домов) вверх по ре- чке Талой. И далее по хребту, огибая крутосклонные верховья р. Бол. Ше- гультана. На высшую точку горы вы- ходили в мощную метель. Помнит- ся: держишь лыжную палку за петлю, а палка под напором ветра висит го- ризонтально. Тогда природа как бы устроила нам проверку, готовя нас к аналогичным ситуациям, в которых мы побывали сразу после окончания того путешествия на поисках груп- пы туристов под руководством Игоря Дятлова.

Информация о вершине появилась во второй половине XVIII века и связа- на с деятельностью верхотурского куп- ца Максима Походяшина, который в 50–60-е годы того века начал промыш- ленное освоение рудных богатств Се- верного Урала, построив ряд металлур- гических заводов (Турьинский, Петро- павловский и др.). Для устройства за- водов и использования окрестных лесов Походяшин покупал у ясашных во- гулов (манси) их вотчинные собствен- ные земли. К оформленным купчим прикладывались планы покупаемых зе- мель. Такие планы сохранились в госу- дарственном архиве Свердловской об- ласти в фонде канцелярии Главного правления уральских заводов. На пла- нах появилось обозначение местоживания вогулов Денешкиных на реке Южной Сосьве. На одной карте, дати- рованной 1769 г., обозначена «Юрта Авраама Денешкина». В другом архив- ном документе от того же года сделана запись о том, что «от Петропавловско- го завода Максима Походяшина расчи- щена дорога до юрты Петра Денешки- на». Ещё на одной карте того времени «вновь обысканным рудным медно- го содержания приискам в ограничен- ных лесах к Петропавловскому и Ту- рынскому заводчика Максима Похо- дяшина заводам» обозначена «юрта Андрея Денешкина». В архиве оты- скался документ, датированный 29 ноя- бря 1769 г., — купчая крепость «от вогул на владение лесов и сенных покосов» по р. Сосьве, данная Максиму Похо- дяшину. В ней указано, что «крепость Сосьвинской волости ясашных вогул Андрея Семенова Денешкина с деть- ми, с племянниками и родственника- ми» дана верхотурскому купцу Макси- му Походяшину «на уступленные ими в вечно-потомственное владение при- родные свои места с вершины реки Сосьвы по обе стороны течения оной до Поесового Камня и до устья речки Канты и по впадающей в тое речкам же

с устья и до вершины». Цена этой куп- чей составляла всего 150 рублей. В ука- занном документе упоминается Поесо- вый Камень. Так в то время назывался современный Главный Уральский во- дораздельный хребет в районе истоков реки Южной Сосьвы. Но ни в указан- ной купчей, ни в других перечислен- ных документах не отмечена гора, рас- положенная к северу вблизи от средне- го течения Южной Сосьвы, у южного подножия которой проживал род Де- нешкиных, т.е. вершина, в наше время именуемая Денежкин Камень.

В 1768–1772 годах во главе одной из пяти академических экспедиций П.С. Паллас совершил длительное пу- тешествие на Урал и в Сибирь. Летом 1770 года он посетил Северный Урал и побывал на заводах и рудниках Мак- сима Походяшина, описанию которых в многотомном отчёте об экспедиции Паллас посвятил около двадцати стра- ниц. С водораздела между реками Ва- гран и Колонга он видел «высочайшие снегом покрытые верховья Северного Уральского Пояса». В своем описании он дважды упомянул фамилию вогуль- ца Денешкина, юрты которого распо- ложены над рекою Сосьвою. Хотя Пал- лас и не упоминает о вершине, кото- рой позднее присвоили имя — Денеж- кин Камень, но он, тем не менее, сопо- ставил имя вогула Денешкина с Ураль- скими горами в верховьях реки Южной Сосьвы. Думается, с его «лёгкой записи» фамилия Денешкина перенесена была на вершину, у подножия которой стоя- ли юрты последнего.

На планах начала XIX века уже фи- гурирует топоним «Гора Денешкина». Так, например, землемер подпоручик Алексей Пушкарёв в 1803 г. составил план в части Верхотурского уезда в да- чих ясашных вогулов. На плане трижды фигурирует слово «Денешкин» в рай- оне реки Южной Сосьвы: «пауль Де- нешкина», «пауль пустой Денешкина» и «... гора Денешкина». Известен дру-

гой план, составленный в 1817 г. землемером Чекановым, опорной дачи Верхотурского уезда, «присвояемой господином камергером Всеволодом Андреевичем Всеволожским к вновь назначенному заводу». На этом плане, на левобережье реки Южной Сосьвы, нанесена вершина под названием «гора Денешкин Камень».

Летом 1829 г. немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт совершил поездку по России, по ходу которой он посетил Богословский завод (современный г. Карпинск). Во время своего путешествия он вёл дневник, который ныне хранится в Берлине в немецкой государственной библиотеке. Находясь в Богословске, Гумбольдт измерил азимуты и провёл «определение позиций по углу возвышения гор, видимых из Богословска». Местные горные инженеры показали ему положение вершины Денешкин Камень. На одной из страниц своего дневника Гумбольдт записал расстояние от Богословска до вершины Денешкин Камень по представленной ему карте — 75,5 версты. На другой странице он записал определения азимутов направлений на видимые концы абриса «Денешкина Камня». А на третьей странице он зарисовал форму массива этой горы. Таким образом, уже к 20-м годам XIX века за интересующей нас вершиной прочно укрепилось название «Денешкин Камень». Позднее буква Ш была заменена на букву Ж.

На первый взгляд, с названием горы всё ясно и понятно: вершина Денежкин Камень — это гора, около которой расположены юрты вогула Денешкина.

Однако манси эту гору называли другим именем. В конце XIX века на Северном Урале побывал венгерский учёный Мункачи Б. По результатам своих исследований он опубликовал книгу, в которой записал: «Осься-Тагт-Талех-Нор (Денежкин Камень)». Матвеев А.К. в своём уральском топонимическом словаре, изданном в 2008 г., сообщает, что в настоящее время северные манси называют Денежкин Камень — Ось (ся)-Тагт-Талях-Нёр-Ойка или Ось (ся)-Тагт-Талях-Ялпынг-Нёр-Ойка, т.е. «хозяин гор верховьев Южной Сосьвы». Т.Д. Слинкина в своей книге «Мансийские оронимы Урала», изданной в 2011 г., даёт уточнённое название горы, именуемой народом манси в виде титульного имени: Осься-Тэгьт-Талях-Ялпынг-Нёр-Ойка 'Священная гора [святого] хозяина верховья узкой ветвистой [реки]', от гидронима Осься-Тэгьт — 'Узкая [река] с ответвлениями (притоками)' от Осься 'узкий, узость' и тэгьт 'ветки, ответвления (притоки)'. В пояснениях и Матвеева и Слинкиной оттеняется в названии горы — Ялпынг-Нёр-Ойка («хозяин гор») и «священного... хозяина гора»).

В середине XIX века венгерский учёный Антал Регули совершил уникальное путешествие вдоль Уральского хребта. Среди сохранившихся его рукописных материалов, со-

бранных на Урале, имеется топонимическая мансийская топонимотека. На одном листочке из этой топонимотеки раскрывается понятие оронима Нёр-Ойка как «Высокая полезная [гора] стоит и указывает конец [пути]». Таким образом, судя по записи Регули, Нёр-Ойка служит своеобразным указателем, репером, на который следует двигаться при подъёме по рекам на восточном склоне Урала, чтобы достичь легко проходимый перевал через Главный Уральский водораздел. Такой Нёр-Ойка (Денежкин Камень) действительно прекрасно виден среди предгорий и своим высоким видом среди других гор и холмов предопределяет нужное направление пути, являясь прекрасным ориентиром.

Мансийское слово ялпынг обычно переводят как «святой, священный».

гальцев». На этом плане нанесена гора, соответствующая положению современной вершины «Денежкин Камень», но с другим названием «Колтнер гора». Рядом с горой стоят две надписи: «Верхние Денешкины» и «Нижние Денешкины» (имеется в виду юрты). Несомненно, информантом об орониме «Колтнера гора» был какой-то местный манси (может быть кто-то из рода Денешкиных), который сохранил в памяти древнее название вершины. Вторая часть названия — нер — восходит к мансийскому слову нёр 'камень, гора'. Поэтому и в целом ороним скорее всего происходит из мансийского языка. Матвеев А.К. принял колт — как множественное число от кол 'дом, юрта' и перевёл как Колт-нер 'Юртовый Камень'. Однако в таком виде название горы не имеет географиче-

ских нюансов, характерных для номинации гор в мансийском языке, и поэтому такой перевод мало вероятен.

Известно, что в мансийском языке согласная буква К часто замещается на букву Х, а также зачастую происходит перемена гласных букв. Тогда имеем Колт-Нёр, точнее Хулт-Нёр, где хулт (укороченное от хултуңкве 'показать, подсказать, указать, объяснить', или от хултыг'лалуңкве 'объяснять, указывать', или от хултыг 'указание' + нёр 'гора', получая в итоге — Хулт-Нёр 'гора — указатель'. Такой перевод прекрасно соотносится с оронимом Ялпиң-Нёр-Ойка, как указателем пути при пересечении Уральского хребта. Тогда ороним Хулт-Нёр является своеобразным Ялпиң-Нёром, о чём и говорят мансийские предания. **UV**

Однако, если разложить это слово на две составляющие — ял + пинг, — то можно получить следующий перевод: ял (сокращённое от ялуңкве 'сходить, съездить' или усечённое от яласаңкве 'ходить, ездить, бродить, гулять') + пинг 'высокий', в итоге получаем — ял + пинг 'высокая [гора, около которой] ходят, ездят' или 'ходовая высокая гора'.

В итоге Ялпиң-Нёр-Ойка можно понимать как 'Высокая полезная [гора, которая] указывает конец [пути, около которой] ходят, ездят', т.е. такая гора служит указателем при передвижении на местности. С такой точки зрения эта гора имеет важное значение и поэтому имеет оттенок «священности».

Вышеизложенное неожиданно подтверждается следующим образом.

В архиве отыскался план, который в 1783 г. «сочинил Николай Ен-

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Верх-Исетский

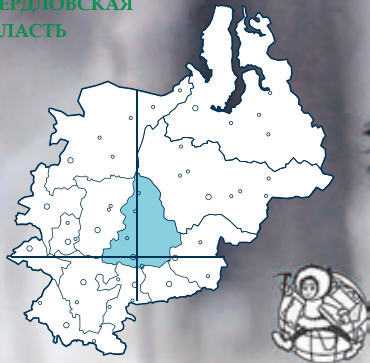
**ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ**

БАССЕЙНЫ

ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Михаил Бокачев**

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

Глухариный ток

Мне было, наверное, лет пять, но я очень хорошо помню, как однажды мой отец после долгого отсутствия вернулся с охоты.

Он зашёл в болотных сапогах, телогрейке, с большим рюкзаком и ружьём в чехле на плече. Я кинулся к нему, он подхватил меня, прижал к колочей от щетины щеке. От него пахло дымом костра, хвоей и романтикой. Он опустил меня на пол и достал из рюкзака огромную краснобровую птицу с крепким, загнутым клювом. Мне казалось, что эта птица была больше меня.

— Смотри, сынок. Это глухарь, — сказал он.

С тех пор, когда я вижу глухаря, я вспоминаю своего отца и первую встречу с этой удивительной птицей.

Когда мне исполнилось шесть или семь лет, я упрямил отца взять меня на глухариный ток. Это был незабываемый поход. Папа поднял меня, когда было ещё совсем темно. Мы долго шли по чёрному ночному лесу. Я, полусонный, шёл, то поминутно запинаясь

за какие-то кочки, ветки и стволы поваленных деревьев, то скользил по льду замёрзших луж, который иногда с треском лопался, и я проваливался по колено в холодную воду. Иногда отец останавливался, и тогда я, не видя его в темноте, тыкался ему в спину. Наконец, мы дошли до тока. Отец остановился, и мы замерли. Мы стояли долго. Холод уже пробрался к самому телу. Я мелко стучал зубами. Вдруг папа прошептал:

— Слышишь? Играет!

Я ничего не слышал.

— Прислушайся. Вон там, — папа ткнул руку куда-то в лес.

Я прислушался.

— Тэк. Тэк. Тэк, — словно тяжёлые капли капали с высоты в пустую бочку.

— Слышу, слышу, — прошептал я. Отец, молча, приобнял меня.

Тэканье всё ускорялось и ускорялось и, наконец, перешло в странное

страстное скрежетанье. Мы послушали немного и стали подходить. Подходить, вернее, подпрыгивать можно было только в момент скрежетанья, который длился всего две-три секунды. В этот момент глухарь ничего не слышит. Мы успевали сделать один-два прыжка, пока глухарь скрежетал, и замирали. Наконец, отец остановился и прошептал:

— Дальше не пойдём. Спутнём. Видишь его?

Я покачал головой.

— Рассветёт, увидишь, — прошептал отец.

Мы устроились поудобнее и стали ждать. Странные звуки древней песни глухаря наполняли моё сердце неведомым ликованием. Я осматривал каждый сантиметр кроны сосны, но огромной птицы не видел. Постепенно светало. Вдруг я увидел глухаря, который, распушившись, подняв вверх голову и хвост, переступал с ветки на ветку. Он был совсем близко. Всё

▲ Бой в разгаре

▲ Во время токования самцы подпрыгивают, хлопая крыльями

во мне замерло. Глухарь же токовал, изредка прекращая песню, прислушиваясь и осматриваясь, затем снова начинал тэкать. Солнце, медленно поднимаясь, начало согревать и освещать лес, который уже наполнился птичьим гомоном. Вдруг глухарь, громко захлопав крыльями, слетел на землю. Он походил, распушив крылья, и вновь начал токовать.

С тех пор я много раз бывал на глухариных токах. И каждый раз вспоминаю мой первый ток, каждый раз испытываю то же внутреннее ликование, слушая древнюю песню огромной птицы. Довольно часто я бываю и на этом току, куда более шестидесяти лет назад впервые привёл меня отец. Глухари всё так же токуют там. **УС**

▼ Гладиаторы

◀ Самка глухаря в токовой позе

Белых камней

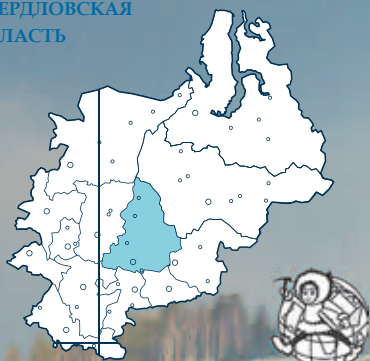

Дмитрий Жданов

Мастер на промышленном транспорте. Увлекается фотографией. Любит путешествовать по Уралу.

Фото автора

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Уральские горы, как все знают, состоят из хребтов, скал и вершин. В каждом районе свои природные высотные достопримечательности, которые входят в местные туристические маршруты.

В Свердловской области, в Полевском, в этот список входит гора Белый камень высотой 535,5 м. Расположена вершина на Ревдинско-Уфалейском хребте, протяжённость скальных выходов составляет почти 600 м. Пусть вас не смущает название, белых камней вы не найдёте. Берёзы, окружающие скалы, тоже не дают полной «белизны». Лишь взглянув на вершину Белого кам-

ня издалека, в зимний период, становится ясно, что явилось источником названия. Над серо-зелёным зимним лесом возвышаются скалы Белого камня в сверкающем белоснежном одеянии. В весенний период снег тоже долго ещё белеет на серых скалах.

Белый камень «отметился» в сказе Павла Петровича Бажова «Синюшкин колодец». Именно в его окрестно-

НЕ НАЙДЁТЕ

стях происходит встреча парня Илюхи и бабки Синюшки. И речушки с вполне сказочными названиями Топтушка, Гремиха окружают его.

На гору ведёт несколько троп, и каждая из них имеет свои трудности. Весна в период паводка — самое тяжёлое время для посещения скал Белого камня. Речки и болота наполняются паводковой водой. Также встречаются клещи. В остальные времена года Белый камень вполне доступен для посещения, надо только перейти обмелевшее русло речки или переправиться через небольшие болотца. Пусть вас не пугают эти трудности, в итоге «призом» будут скалы Белого камня. По пути попадётся несколько живописных полей, где можно отдохнуть и перекусить, одна

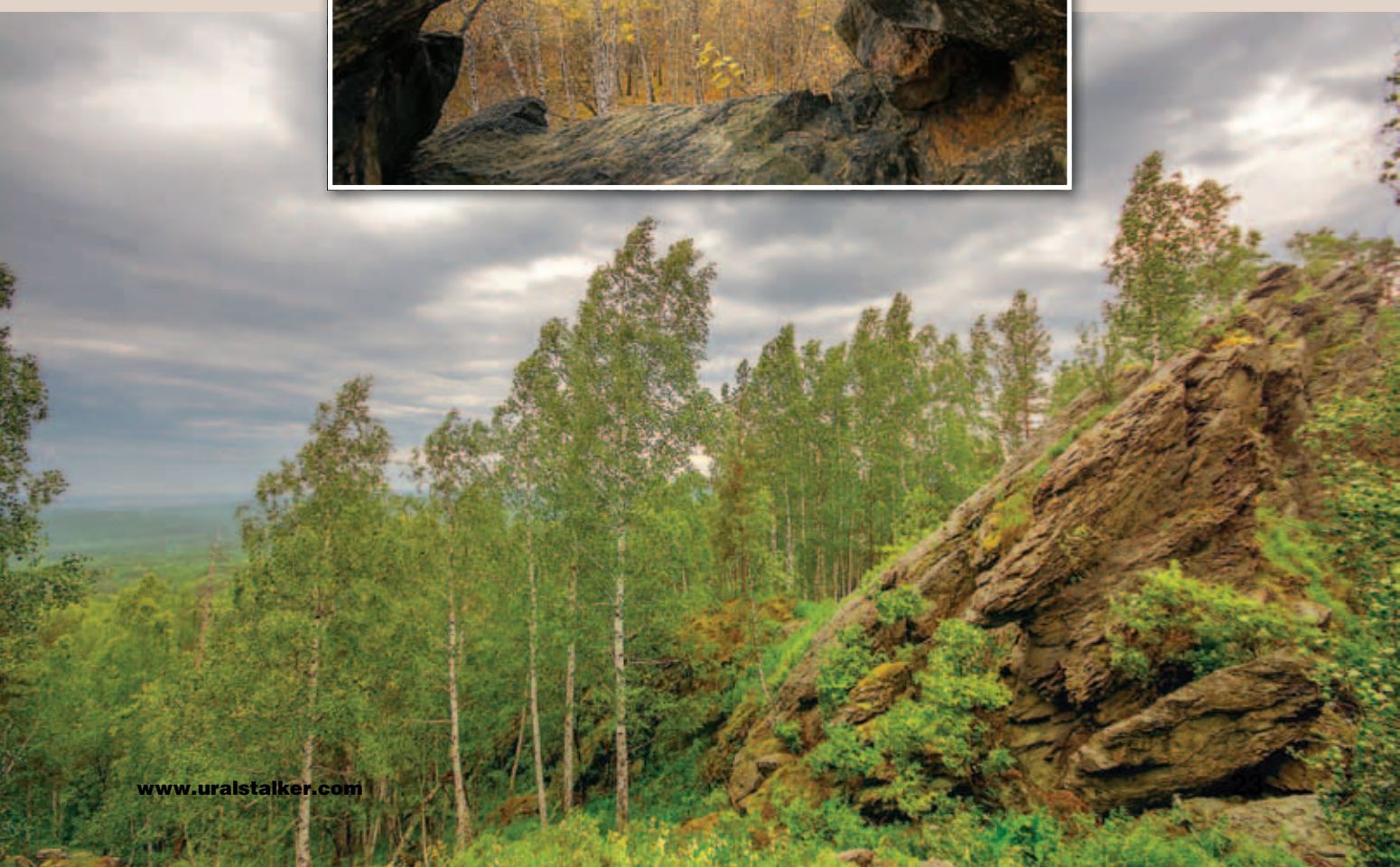
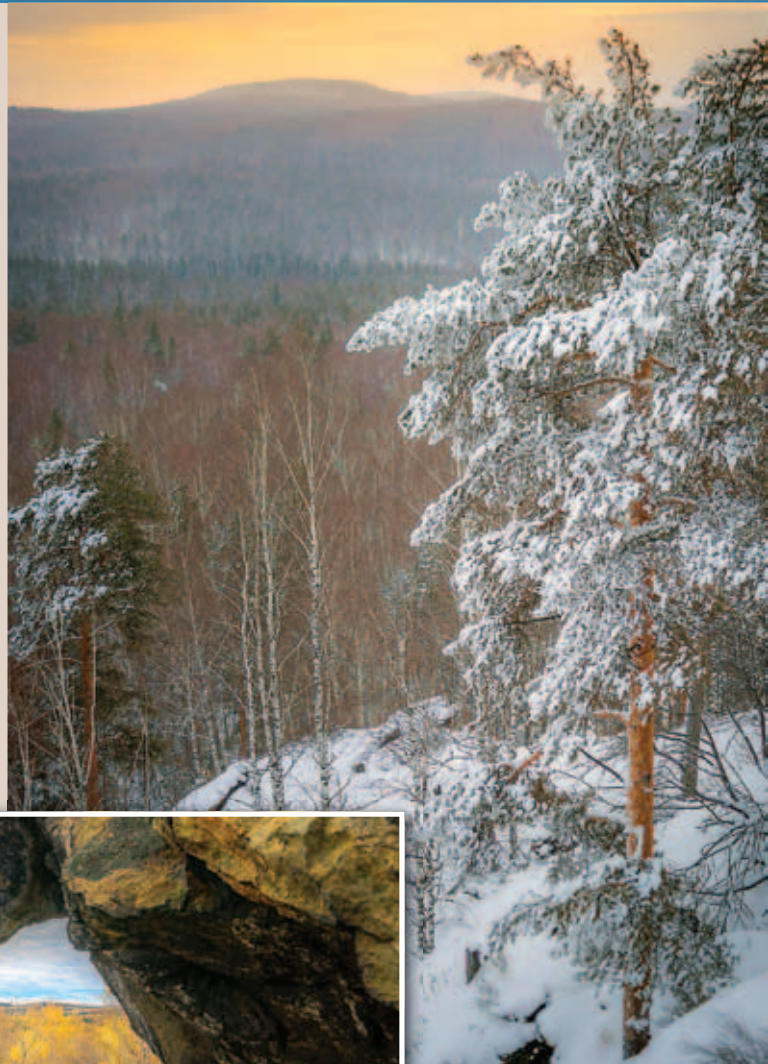
из них у подножия скал. Рядом с Белым камнем нет источников воды, так что её лучше захватить с собой.

Отправная точка пешего маршрута — посёлок Зюзельский в окрестностях Полевского. От него добраться или через заброшенный карьер и просеку, которая ведёт до самой горы, или

по дороге мимо местного погоста до заброшенного лагеря «Юный Ленинец», от которого поворачиваем налево через речку Гремиху, по просеке добираемся до скал.

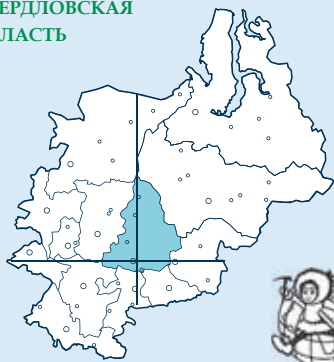
В зимний период от лыжной базы с северной части накатывают лыжню до Белого камня, этот маршрут можно

совместить с посещением ещё одной местной достопримечательности — Тёплого озера, которое находится около лыжни и даже в самые суровые уральские морозы не покрывается полностью льдом. Примерно в 8 км от Белого камня находится Азов-гора с своими скальными останцами и легендами. **УС**

А давайте проводим солнышко!

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Валерий Денеко

Преподаватель УГЛУ, бывший охотник, путешественник, пишет о природе. Урал — любимое место на планете. Кумиры: Бианки, Улуиткан.

Фото Евгения Тамплона.

Однажды возвращались мы в конце студёного зимнего дня в свой полевой лагерь. День был тяжёлым, все были уставшими, и каждый думал о том, как бы быстрее осилить остаток нелёгкого маршрута.

В морозной тиши были слышны лишь скрип лыжных креплений, звуки дыхания да шуршание снега под лыжами. Местность была безлюдной, гористой. Многочисленные угрюмые сопки, поросшие труднопроходимым лесом, окружали нас со всех сторон. Для лыжных переходов эти места были неудобными, а потому большую часть пути шли мы по руслу извилистой таёжной речки. Каждый поворот её открывал перед нами суровые таёжные пейзажи, и было удивительно, как в давние времена в этом каменном хаосе вода смогла пробить себе здесь дорогу? Временами высокие скалистые берега почти сходились над нами, и лыжня наша в таких местах пролегалла среди мрачных ущелий и каменных коридоров...

Так и струилась наша небольшая змейка, не спеша, то в сторону севера, то в сторону юга, строго подчиняясь замыслу древних Сил, проложивших направление потока воды в этой речке практически по всем сторонам света.

Местами наледь преграждала нам путь от берега до берега, и приходилось обходить её, но передвигаться по заснеженному руслу было всё равно удобнее, т.к. путь наш был ровным, и не надо было куролесить по долинам и по взгорьям, «рвать» лыжи о выступы камней и пробираться через густые заросли ивняка, ольхи и ельника.

Поначалу шли мы по подножию огромной сопки, и солнце уже начинало садиться за её вершину. Жалко конечно, но ничего не поделаешь, как бы там ни было, плохо ли, хорошо

ли, а день-то этот своей жизни мы, выходит, уже прожили.

И тут один из нас предложил: «А давайте проводим солнышко!». Все как будто ждали этой фразы и разом встали. Каждый расположился поудобнее, опершись на лыжные палки, лицом к солнцу, лучи которого уже теряли свою дневную силу, и на диск огромного солнца можно было смотреть, не шурясь. На западе, в небе багряном, высоко кружил ворон и его крики были последними благодарными штрихами уходящему солнцу за прошедший день. Все молчали.

Есть что-то таинственное и всегда привлекательное для человека в вечерней заре. Каждый человек неравнодушен к заходу солнца, к этому прощальному лучезарному спектаклю уходящего дня. Что-то есть сходное, притягательное для человека и в этом представлении, и в пламени костра, на которое мы часто смотрим заворожённо, не в силах оторвать свой взгляд от него. Так было и здесь — пылающее огнём полотно горизонта захватило нас.

Вот заалела заря узким фронтом, вершины могучих лиственниц и кедров расписались на нём своими тёмными силуэтами на прощание, и милое наше солнышко скрылось за кронами, подмигнув нам на прощание несколько раз. Окружающая природа враз потеряла свои краски, и только вершины деревьев на сопках с восточной стороны реки и нависшие над ними облака всё ещё были озарены мягким розовым светом. Все мы находились под впечатлением прекрасного зрелища и невольно делились увиденным. В итоге сошлись все в одном мнении: «Как чудесно всё было, вот бы ещё увидеть такое хотя бы раз!». Тронулись дальше, и уже менее тяжелым казался нам остаток нашего пути.

Прошло совсем немного времени, быстрая лыжня вынесла нас меж сопки, и тут мы снова вышли на освещённое солнцем место. Чудеса, да и только! Вроде бы уже прожитый нами день снова вернулся к нам, но и этот день тоже заканчивался — солнце уже садилось. И тут кто-то предложил: «А давайте проводим солнышко!». Все и сразу же подхватили: «Давайте, конечно же, проводим ещё раз и день, и сол-

нышко!». Каждый расположился поудобнее, лицом к солнцу. Все молчали. Всё, что мы испытали пять минут назад, мы испытывали вновь, и событие это расценено было нами как подарок судьбы. Великолепный спектакль повторился, но уже с другими декорациями.

Вместе с нами проводили солнце и чётки. Их стайка стремительно промчалась над нами в сторону уходящего солнца, и в их щебетании слышалось: «Че-че-че, а солнце, солнце где?».

Представление закончилось быстро, и мы, радостные от вновь увиденной картины, двинулись дальше и уже интересным казался нам наш вроде бы и нелёгкий путь. Однако и на этом наше прощание с сегодняшним днём и приветливым солнышком всё же не закончилось.

Минут через пять нашего пути, в следующей лощине, в створе русла реки, снова показалось солнышко и вновь приветствовало нас. Мы заулыбались и все хором сказали: «А давайте проводим солнышко!». Все встали и с улыбками и мысленной благодарностью проводили снова солнышко и уходящий день. Последний раз прокричал ворон над сопкой, торопливо простучал дятел, и наступившие сумерки принесли с собой хрустальную морозную тишину. Благодаря прошедшим событиям весь остаток пути и сам вечер у нас прошли весело и даже задорно.

Вот так неожиданно-негаданно проводили мы на ночлег солнышко аж три раза. И всё благодаря человеку, который вопреки усталости, в сложных условиях, живо смотрел на мир и радовался ему. Восторгался он крепкому морозцу, вот этому летящему ворону, его крику, деревьям в белых шарфах и купеческих шубах, весёлым скалистым сопкам и заснеженной речной долине, и, конечно же, — славному солнышку.

А имея доброе сердце и светлую душу, своей этой радостью он непременно хотел поделиться со всеми и поэтому и воскликнул: «А давайте проводим солнышко!».

И был этот человек сам сродни солнышку — единственная женщина в нашей мужской команде, и произошли эти события в День 8 марта!

День Большого Шигирского идола

Шигирский идол — древнейшая деревянная скульптура из найденных и сохранившихся. Доказано, что Идол даже старше египетских пирамид. Скульптура была обнаружена 5 февраля 1890 года — 133 года назад — на Шигирском торфянике (недалеко от современного города Кировграда). Теперь эта дата — праздник под названием «День Большого Шигирского идола».

Мария Ситникова

Студия молодёжной журналистики «Проба пера». Медиацентр Дворца молодёжи Екатеринбурга

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

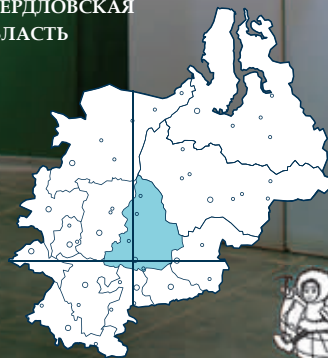

Фото Евгения Тамплона.

Скульптура находится в Музее истории и археологии Урала (Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е. Клера). Каждый год 5 февраля здесь в честь Дня Большого Шигирского идола проходят самые разные мероприятия. В этом году мне удалось на них побывать и познакомиться с историей этого удивительно артефакта.

Программа была, действительно, насыщенной. В течение всего дня посещение экспозиции «Шигирская кладовая» было абсолютно бесплатным. Каждый мог увидеть знаменитую скульптуру своими глазами и познакомиться с другими экспонатами, например, предметами быта, орудиями и их частями для рыбалки и охоты. Все они — свидетельства того, что на этих землях жили люди более 11 тысяч лет назад.

Кстати, экспонаты из этой коллекции были переданы даже в музей естественной истории в Париже!

В начале празднования прошла лекция «Клыки и кости: мир вокруг Шигирского идола». Её провёл кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН Павел Косинцев.

Евгений Тамплон,
Издатель, фотограф, исследователь Урала:

О Шигирской кладовой

Одной из наиболее интересных экспозиций Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера является «Шигирская кладовая». В основу её положена одна из самых известных коллекций России — собрание древних орудий и изделий из органических материалов. Она сформировалась в конце XIX — начале XX веков из древних изделий, найденных при добыче золота в окрестностях Шигирского озера, расположенного вблизи посёлка Нейво-Рудянка. В коллекцию вошли предметы, относящиеся к различным археологическим эпохам — от раннего мезолита до средневековья. В Шигирской кладовой экспонируется и самая древняя в мире деревянная скульптура — Большой Шигирский идол. Его четырёхметровая фигура была вырублена из лиственницы в IX тысячелетии до нашей эры. Тогда здесь жили небольшие племена, селившиеся по берегам полноводных озёр и рек. Они занимались охотой, рыболовством и сбором лесных даров. Богат был духовный мир древних уральцев, чему свидетельствуют хранящиеся в Шигирской кладовой многочисленные предметы ритуального характера, и, конечно, сама, покрытая резьбой, фигура Большого Шигирского идола. Уже много лет учёные ведут споры о смысловом значении рисунков, покрывающих тело идола. Но пока у археологов нет единого представления о том, какими образами руководствовались наши далекие предки, когда, почти 11 тысяч лет назад вытесывали из дерева каменными орудиями большую деревянную фигуру и украшали её замысловатыми символическими знаками.

После этого каждый гость мог поучаствовать в мастер-классах: ознакомиться с основами линогравюры на мастер-классе «Образы Шигирского идола», а также попрактиковаться

в резьбе по дереву в «Мастерской каменного века».

Мне было интересно узнать о способах деревообработки в каменном веке. Например, существовали такие способы, как обработка каменным теслом или резьба кремниевой пластиной, «ложкарём». В настоящее время это кажется удивительным, ведь в нашем представлении в каменном веке у людей не было необходимых знаний и материалов для изготовления подобных вещей. Поэтому многие экспонаты, в том числе Шигирский идол, вызывают у посетителей восторг.

— При виде этого лица сразу понимаешь, какие старания в него вложили древние умельцы, ведь создать такое без надлежащих орудий труда современному человеку кажется невозможным. Наверняка эта невзрачная, деревянная фигурка имела большое значение для людей того времени, — поделился мнением о Шигирском идоле посетитель праздника Яков Куцун.

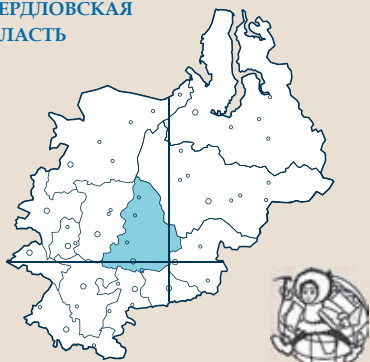
Праздник удивил всех — даже самих организаторов, потому что пришло намного больше желающих узнать про Шигирского идола, чем они рассчитывали. От этого возникали некоторые трудности: людей было слишком много, а в тесноте рассмотреть экспонаты не всегда получалось, услышать, что говорит экскурсовод тоже было трудно из-за гула в зале. Но, несмотря на это, впечатления от посещения Дня идола остались лишь положительными.

Кстати, в музее существует большое количество залов на другие тематики, не менее интересные, чем Шигирский идол.

Наша жизнь — это путешествие!

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Шлентова

Родилась и выросла в г. Свердловск. Закончила Академию государственной службы. Впервые в руки взяла фотоаппарат в 13 лет. На сегодня видеосъемка из хобби превратилась в профессиональную деятельность. Страсть к путешествиям — тоже с детства. Примером в этом ей служит французская путешественница Александра Давид-Неель, которая в 56 лет вдвоем с сыном под видом нищих странников пешком через Гималаи пришла в столицу Тибета — Лхасу, в то время закрытую для всех иностранцев (и уж тем более — женщин).

Звёзды — таких нет в городе! Люди — таких нет в городе! Вода — такой нет в городе! Дороги и просторы — таких нет в городе!

Ну, зато в городе есть хорошие магазины, работа и суета! Каждый день утром — детей отвести в садик, школу, потом — бегом на работу, вечером — проверка уроков, тренировки детей, наспех приготовленный ужин, пара слов перед сном с мужем и короткая передышка, завтра — новый день. В выходные — соревнования у детей, домашние хлопоты, дни рождения родственников и — снова понедельник!

Глядишь — вот и весна на дворе! Надо подумать, чем занять детей на лето... Стоп! Надо выдохнуть! Без суеты! Нужна «перезагрузка!» Банальные, казалось бы, вещи — но, как ни странно, — они действуют!

Субботним утром садимся в машину и едем куда глаза глядят! Вперёд! А ещё лучше на север — в Алапьевский район! Так что в понедельник можно смело говорить на работе кол-

ная струя воды. И трюк в том, что она горит! Но опасаться нечего. Это источник минеральной воды в достаточно концентрированной форме, где помимо солей и минералов присутствует метан, который и горит.

Пить такую воду абсолютно безопасно, но хранится она, к сожалению, недолго. Так что запастись впрок не получится. Хотели на месте источника построить санаторий. Но, по мерам пожарной безопасности, — отказались! Вдруг кто-нибудь из отдыхающих пронесёт спички?

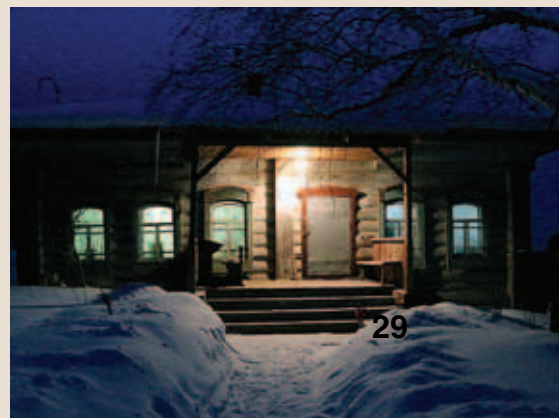
Если ещё остались силы — то 10 км вперёд — и вот награда! Одна из станций знаменитой Алапаевской узкоколейной дороги! Милый вокзальчик, миниатюрные поезда, ухоженная территория, река Тура! А вокруг — настоящий таёжный уголок уральской природы! И звёзды здесь — не такие как в городе! И люди — не такие как в городе! И просторы — не такие как в городе! Ведь наша жизнь — это и есть путешествие! **УС**

легам, что «выходные провели на севере»! Ну, а что там можно посмотреть — это уж на ваш вкус и цвет! Если едете зимой — берите с собой лыжи — какое удовольствие кататься по замёрзшей реке на лыжах! За посёлком Мугай (где, кстати, можно посетить музейно-туристический комплекс — мимо него сложно проскочить — великолепное двухэтажное резное здание слева вдоль дороги), если проехать 7 километров — то это самое лучшее место для лыжной прогулки! Есть возможность сделать то, что не получится летом — объехать все каменные опоры старинного моста через реку Тагил! Ну, а летом — полюбо-

ваться на них со смотровой площадки. У администрации Махнёвского района есть в планах развивать инфраструктуру смотровой площадки, потому что этот мост был частью Бабиновского тракта.

Если доехать до села Махнёво — там есть и музей, и места для фотосесий: памятник махнёвским ямщикам, Ермаку, подвесной деревянный мост через реку Тагил.

Самым настойчивым путешественникам рекомендация — проехать вперёд ещё 50 километров. Вот уж точно — фотографиям с этого места все коллеги обзавидуются! Из земли бьёт мощ-

Дорога длиною в несколько сотен лет

Я снова отправляюсь со своими друзьями-копателями («Ржавые штыки интереснее» № 8, 2022) прочёсывать родные просторы. Погода не располагает: холодно, мокро, неприятный ветер даже в лесу. Ботинки быстро намокают и облипают «лаптями» из грязи, листвы, травы и иголок.

Из позитива: азарт охотника и поисковика, предвкушение находок и крепкий кофе в термосах. Сегодня объектом нашего внимания стала старая дорога.

Карты, деньги и... уда

Старые дороги несут память и прекраснейшие находки в хорошем, как говорят поисковики, «сохране». Прочёсывается сама дорога и территория по обе стороны обочины. И получается — вроде прошли километр дороги, а намотали, по ощущениям, все пять. По ней веками проходили, проезжали и теряли предметы обихода поколения русских (и не только) людей. Не теряли — так выбрасывали за ненужностью, не выбрасывали — так прятали от других. Найдки самые непредсказуемые — от монет до утюгов. В общем, всё, что может потерять человек по пути или забыть на обочине, отдыхая.

Идея проста до безобразия: берутся старые карты и по ним смотрят транспортные магистрали минувших лет — причём, чем старше, тем лучше. Вот идёт дорога из одного города в другой. Но, как известно, трассы меняют направления, их перестраивают, переносят, они могут затопиться болотом, а через сто лет высохнуть. Это происходит и сегодня, так было и сто-двести-триста лет тому назад.

Сначала идёт нудный осмотр предполагаемого места визуально и с металлоискателем. Как нашли забытое современниками направление — и мы начинаем поиски на местности. При этом нужно учесть, что старые карты сложно привязать к координатам — GPS, ГЛОН-

НАСС и снимки из космоса появились в масштабах истории человечества буквально вчера!

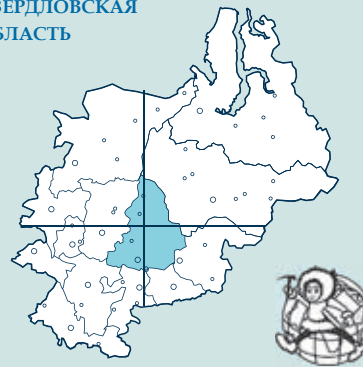
Где мы? А шут его знает! Руки машут сапёрной лопаткой, голова вся мыслями «в земле», молчание нарушают короткие переругивания и возгласы.

Как показывает практика, самое распространённое — это сломанные ступицы от колёс телег, гвозди от подков и сами подковы. Ну и как же без украшений лошадей: уздечки и прочая сбруя, называемая в народе «конина». Современная дорога почти не «звенит» — от машин XXI века гвозди и подковы редко отлетают (хотя, бывает и такое), больше разбитые бампера да покрывшки. А вот старая колея даёт много разных сигналов! И если дорогу нашли, и если она ещё не убита лесовозами, тракторами — то это вообще просто «клондайк» для поисковика.

Стоит только наклониться

«Находки почти всегда бывают наверху, максимум — на глубине штыка лопаты», — рассказывает мне Денис (*имена изменены*). — И один раз мы такую дорогу прочёсывали два сезона! Самая поздняя находка на ней была «чешуя» (монеты медные, серебряные, золотые) времён царя Алексея Михайловича, отца императора Петра I. Отрезок дороги был небольшой, всего километров десять. Он сохранился благодаря тому, что в своё время маршрут у людей изменился, а про этот кусок забыли, ну, или просто забросили».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер», член Союза журналистов России.

Конечно, сегодня по ней ездят (и ездили) охотники, грибники, лесники и прочий таёжный люд. Но основной поток ушёл в сторону. А мы ушли «в землю».

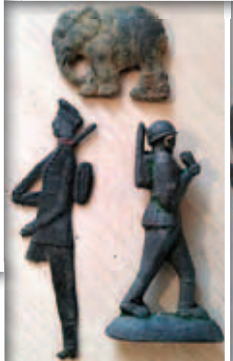
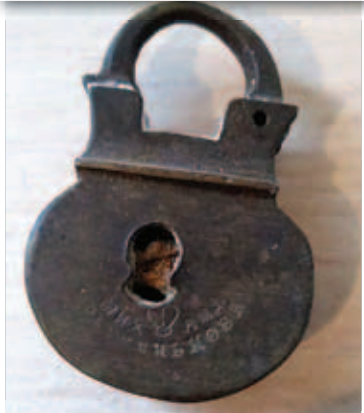
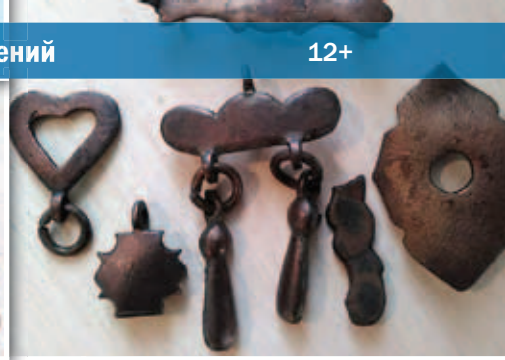
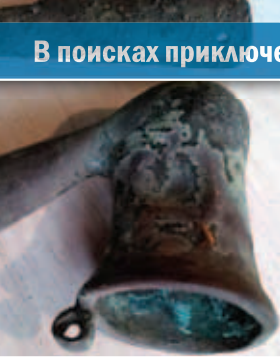
«Колея, еле заметная взгляду, шла, а потом упёрлась в асфальт и тут мы её потеряли, — продолжается история. — Прошёл год, и мы её нашли! Она оказалась спрятана под асфальтом, но находки с обочин говорили нам: она тут».

Господи! Промокшие штаны и куртка, холод, обувь, всящая чёрт знает сколько килограммов, дурацкая шапка налезает на глаза. А мы всё копаем, копаем и копаем... Зачем всё это? Ради двух медяков из кармана холопа, который забил барина?..

Так мы и двигались вдоль современного покрытия по кустам, как партизаны, чтобы быть не обнаруженными. Временами старая дорога выходила из-под асфальта: то на одной стороне, то на другой. Старые тракты — это «семь загибов на версту» как в песне в фильме про гардемарин. Ну, или у группы «Анимация»: «и дороги — Ё!». Как крестьянин на лошадке «торжествуя на дровнях», или на телеге накатал — так и мы бороздили. Это уже современные дороги все прямые углы и загогулины выровняли.

И хрестоматии не надо

И вот топаешь, копаешь, мёрзнешь, мокнешь... И собираешь все эти «потеряшки». Чтобы от негатива отвлечься, начинаешь вспоминать школьную программу, и всё то, что читал по теме. Мо-

нета серебряная, золотая, медная... Интересная деталь: на Руси до появления станков для штамповки круглую монету делали как умели: брали проволоку определённого диаметра и рубили установленной длины (отсюда, кстати, и появилось название — рубль!), а потом били по этому обрубку молотком с клеймом.

Как гласит история, якобы Петр I называл их «блохами». И первым из русских правителей начал от них избавляться и переходить на нормальную, чеканную монету. А тем, кто пытался сии государственные денежные знаки подделывать, Василий Никитич Татищев — тот самый, что вместе с Георгом Вильгельмом Де Генниным основал Екатеринбург — заливал в рот расплавленный свинец. Чтобы другим неповадно было заниматься такой самодельностью. «И как?», — спросил однажды у Татищева кабинет-министр Артемий Вольнский. «Не знаю, — ответил тот. — Не пробовал на себе!». Такие вот сатира и юмор позднего российского средневековья.

Тогда деньги держали не на банковских картах, и даже не в кошельках и не в карманах. Да и карманов, кстати, как таковых, на штанах, панталонах, рейтузах и не было. А был такой мешочек, назывался он «мошна» — туда русские люди — от дворян до крепостных — и клали свои «гроши». А потом скакали на лошадях верхом, ехали на телегах, и валилось всё (или по мелочи) в пыль, грязь, снег да на обочины. Там же, на обочинах, отдыхали, ели, выпивали, вставляли на ночлег, и что обронили — потеряли, забывали — оставляли. Ну, или прикопали от лихих людей, коих на Урале немало было, да потом не нашли. А тут мы лет через двести-триста пришли и...

«О, лежит! — раздаётся голос Дениса. Значит, что-то нашёл. — Жаль уже хозяина не найти, не вернуть за вознаграждение».

Думаете, не отдали бы? Да легко. Даже бы с интересом посмотреть на реакцию потомков. Парни копают и ищут не наживы ради, а для собственного интереса. На хлеб насущный (и на бензин для внедорожника, и на миноискатели, и на остальные походные причиндалы) они зарабатывают вполне мирными и банальными способами.

Уральские лихолетья

Олег, идя рядом с металлоискателем, рассказывает. Как бы про себя, и как бы для меня. «Один раз телегу нашёл», — говорит. — Не в прямом смысле слова, конечно, целую подводу, а оставшееся от неё железо. Оси колес, обода железные, ступицы, болты. В об-

щем, полный набор, но, естественно, без дерева — стнило оно лет 150–200 назад. Всё целое, не сломанное. Наверное, «в угоне» была, да потом брошена метрах в пятидесяти от дороги. А, может, и другая причина была, например, ограбление. Времена те ещё были. Лихих людей тогда много гуляло. Страбастали крестьянина, ехавшего в город на рынок торговать, всё «отжали», в сторонке, что нужно, забрали, лошадку увели, а что ненужное — бросили. Ведь почти в каждой деревне есть свои сказы о разбойниках, которые где-то вот тут рядом гуляли и обозы грабили. Ладно хоть хозяина не нашёл, а то что бы тогда делать? Звать археологов на раскопки? Или ментов на место убийства?».

К разговору присоединяется Максим: «Вот иду, думаю: дорога... Дорога — это не только расстояние на многие километры. Она длиною в несколько сотен лет, в десятки поколений. Самая старая находка, на моей памяти, оказалась монетой времён правления Петра Алексеевича или Петра I, последнего царя «Всея Руси» и первого Императора Всероссийского. Но это не означает, что тракт появился во времена его правления. Кто его знает, а вдруг лохматые коняшки чингизитов здесь хаживали?».

Рынок решал по-своему

Помнится, что в наших краях такого денежного оборота, как в центральной Руси, а позже Российской Империи, не существовало. Был веками отлаженный натуральный обмен: продук-

ты питания на одежду, одежду на оружие, доспехи на «скоры» белок и соболей и т.д. и т.п. и наоборот.

Например, существует версия, что бронзовые наконечники стрел в те давние времена являлись денежной единицей. А почему бы и нет? Демидовы свои заводы ещё не построили, и металлургия находилась на почти первобытном уровне. Исходя из этого, можно предположить, что дорога, о которой идёт речь, намного старше, чем можно было бы себе представить, поскольку как раз наконечник стрелы и был одной из первых находок.

Через мусор, через расстоянья...

Но вернусь в поля. Дорога парнями была обнаружена на картах (где — не скажу!). Рано утром выехали, добрались без происшествий. И, действительно, в лесном массиве местами проглядывались очертания тракта. Но по обочинам было навалено столько бытового мусора! У нас сложилось впечатление, его свозили сюда ещё с советских времен. Принимаем решение углубиться в лес и проверить дорогу дальше от ныне существующего населенного пункта, которого, кстати, на той карте и в помине ещё не было.

Примерно через один километр кучи мусора сходят на нет, и мы начинаем поиск. Приборы включены, лопаты наточены, спреи от комаров и клещей нанесены. Вдвоём пошли по обе стороны дороги и уже через десять метров заветный сигнал. Копаю острож-

но, ведь сигнал показывает имперскую монету. Выкопанный кусок земли отбрасывается рядом с ямкой, и... вуаля — алюминиевая советская ложка, которая звучит в приборе, как и «имперка». Ладно, идём дальше: захватываем обочины, затем глубже в лес на расстоянии около десяти метров и вдруг — очередной сигнал. Прибор показывает, что предмет лежит на глубине более 10 см, это хороший признак. И действительно, нашему взору открылся гурт монеты, но какой мы ещё пока не знаем. Начинаем прикидывать размер и толщину монеты. Которой оказалась 2 копейки правления Императора Александра I, денежка достаточно распространенная, но красивая. Среди поисковиков она получила прозвище «капуста».

По мелочи

Через несколько шагов на полянке очередной сигнал, который повторяется в радиусе двух метров. Он не единственный, и говорит о том, что возможно здесь рассыпаны монеты. Но, как часто бывает, находки оказались водочны-

ми пробками, которых в лесах России множество. Они вездесущи, и бывает, оказываются там, где по твоему предположению нога человека не ступала. «Русь-матушка во всей красе», — ругается один из моих спутников.

А мы идём дальше. И снова сигнал и снова глубоко в земле. В подтверждение того, что дорога очень старая — нам достается бронзовый наконечник стрелы. Кем он оставлен? Воином, охотником или торговцем, везущим его на обмен? Тщательно изучаем приборами место вокруг находки, но сигналов больше нет. Утреннюю прохладу сменил жаркий день, появился рой комаров, их писк может заглушить звук прибора, если бы не наушники.

Далее попадают одиночные советские монеты до реформы 1961 года, что может означать, что тогда доро-

га ещё использовалась по назначению. А вот и следующая находка — пуля и несколько гильз времён Гражданской войны. Урал был ареной кровавых столкновений: красные, белые, чешские legionеры, казаки, старообрядцы, просто банды и ватаги «за себя».

Следующей находкой оказалась нательный крестик с обломанной дужкой, вследствие чего и был, видимо, утерян. По виду можно определить, что он достаточно древний. «Вообще, крестики также являются достаточно частой находкой, — говорит Максим. — И это несмотря на то, что в этих краях было много кочевых народов. Ведь дорога находится как раз на границе некогда густой тайги и степей с кочевниками».

Привал. Пора перекусить и попить из ключика, бьющего недалеко от дороги. Возможно, когда-то тут останавливались путники набрать воды, напоить лошадей. Решили тщательнее изучить это место, и как оказалось, не зря. Примерно в тридцати метрах от родника попалось много украшений конской упряжи, больше похожих на металлические пуговицы. А на всём протяжении пройденного нами отрезка попадались конские подковы разных размеров и конфигураций.

Эхо войны и два Николая

Подковы и ступицы от телег достаточно часто попадают на старых дорогах. Наша не оказалась исключением. Но вдруг на приборе загорается цвет — значит, это не следы выпивавших туристов, а... Результат раскопок ошарашивает всех: по словам ре-

бят, за десять лет поисковых работ такая находка попадалась не более пяти раз! Это оказалась медаль «В память о Русско-японской войне», учреждённая Николаем II в 1906 году. Ими награждались военные, медики, священники, инженеры — все те, кто принял участие в этой кампании.

Мы стали внимательно разглядывать медаль. Сначала пытались найти её порядковый номер, а потом вспомнили, что у этой награды таковых не было. А так можно было бы покопаться в архивах, узнать, кому медаль принадлежит, и передать её потомкам героя. Ведь не специально же обладатель награды, возвращаясь с войны, выбросил её по дороге! Может, потерял, а может, что-то произошло — драматичное или трагичное? От таких находок просто замирает сердце, и начинают дрожать руки...

Парни перекурили, и мы, обсудив находку, идём дальше. Снова пробки от бутылок, фольга, остатки консервов, и вот — монетный сигнал. На дне выкопанной ямки находим «масонский» пятак времён Николая I. Монета очень большая и в отличном состоянии. В приподнятом настроении двигаемся дальше, и снова звук. На этот раз монетка годов правления Николая II, которая попорчена отверстием посередине. Её, видимо, использовали, как украшение — монисто.

Идём дальше, и уже слышим шум современной автотрассы, которая пересекает наш забытый Богом и людьми тракт. И буквально за пятьдесят метров до асфальтобетонного покрытия начинает «буйствовать» цветной сигнал с перегрузом. А это значит, под землей скрыт объёмный предмет. Копаем, и — кошель! Нет, конечно: кошель уничтожен почвой и временем, но зато нам достаются аж семь монет разного номинала, выпущенные при разных императорах!

И кстати, о Николае II. Тела экс-государя и членов его семьи (если это на самом деле они, а то споры не утихают до сих пор) были найдены в июле 1991 года в окрестностях Екатеринбургa под насыпью Старой Коптяковской дороги. Сегодня о таковой никто и не помнит, а раньше там было оживлённое движение: по тракту ездили не только всадники, повозки да кареты, но и грузовики. Но... Как говорил персонаж культового фильма «Бойцовский клуб»: «Мона Лиза в Лувре и та разрушается»... **VC**

На берегах Павловского водохранилища

▲ Чебыково. Вид на южную сторону

УФИМСКИЙ КОВЧЕГ

Владислав Курочкин

Турист-краевед. Родился в Свердловске, в семье известного уральского журналиста. Трудовой путь начал инженером по электрооборудованию на Уфимском заводе № 26 Министерства Авиационной промышленности, работал инженером-конструктором, начальником отдела программных станков.

РЕСПУБЛИКА
БАШКИРИЯ

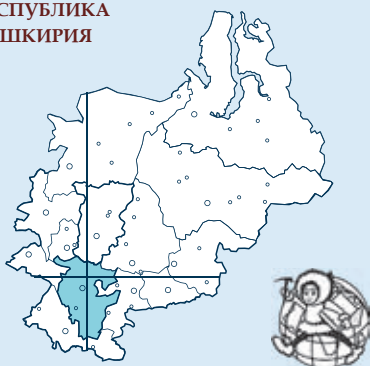

Фото из архива автора

При заполнении Павловского водохранилища несколько деревень по берегам старого русла реки оказались в зоне затопления. Часть из них продолжила жизнь в новом Чебыково. Здесь пустил корни и род известного уральского журналиста и писателя Юрия Курочкина

После строительства Павловской ГЭС на территорию нового Чебыкова переселили деревни Правый Айдос и Большой или левый Айдос, которые располагались выше по течению реки. Переселенцы этих деревень образовали северную часть нового Чебыкова. Старые деревни Одино и Чебыково занимали южную часть берега. Новые дома этих деревень построили выше северной береговой линии водохранилища. Между этими частями новостроек об-

разовалась большая площадь, на которой построили магазин, пекарню, медпункт, клуб с библиотекой, кинозалом и сценой, бригадный дом. На северной окраине деревни пробурили скважину с водонапорным баком, а в самом центре деревни с севера на юг до Набережной улицы провели водопровод. На каждой улице действовала водоразборная колонка. В деревне работали пилорама, кузница, на конном дворе содержали табун лошадей. Была

Уральский следопыт, апрель 2023

▲ У калитки. Деревня Чебыково

► На берегу Уфимки. Сборы домой

здесь и восьмилетняя школа с интернатом и большим участком с садом и огородом.

В июне этого года исполняется ровно 60 лет с того времени, как наша лодка-казанка с мотором «Москва» подошла к плотине Павловской ГЭС. Жену Тамару с детьми я высадил на берег, и они пошли вверх на гребень плотины. Поднялись нижние громадные железные ворота шлюза, я зашёл в камеру шлюза. Впечатление в первый раз, конечно, потрясающее. Бетонные стены, уходящие вверх на высоту 12-этажного здания, голубое небо где-то далеко, прохладно, со стен капает вода. С грохотом стали закрываться нижние ворота, диспетчер по громкой связи даёт команду: «Пришвартоваться к подъёмному бую!». Начинается затопление камеры шлюза. Вода поступает через донные отверстия, образуется сильное хаотичное течение в верхнем слое воды, лодку наваливает на стену, отталкиваюсь веслом. По мере подъёма вверх вода становится спокойнее. Через некоторое время шлюз полностью затопило, открылись верхние ворота, и лодка вышла на поверхность водохранилища.

Первое впечатление, что мы попали в другой мир. Простор... Кажется, стало светлее и теплее, и воздух нам показался другим. Первая же остановка на ночлег неожиданно обрадовала всех полным отсутствием комаров. Мы планировали пройти всё водохранилище и подняться вверх по реке, пока это будет возможно. Впереди был месяц отпуска, и мы не спеша шли вверх по водо-

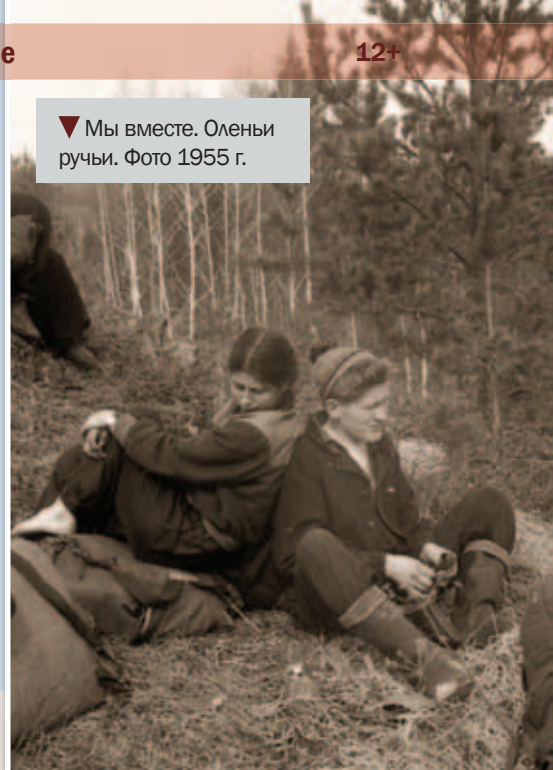

хранилищу, останавливаясь на днёвки в живописных местах. Весь отпуск стояла тёплая без дождей погода. Живописные берега, покрытые хвойным лесом, множество мест, удобных для стоянки и купания детей, тёплая вода, обилие ягод и хороший клёв рыбы оставили в памяти взрослых и детей приятные воспоминания и сделали нас поклонниками Павловского водохранилища.

Какие пути-дороги привели меня и мою семью в Чебыково? Я родился и вырос в городе Свердловске. Моё познание природы Урала началось в летние каникулы, с одноклассниками Алексеем Будринным и Лёней Дмитриевым за лето мы объездили окрестности Свердловска. В 1952 году, став студентом Уральского Политехнического института, начал участвовать в собраниях туристов УПИ в аудитории Э-412. Быстро став своим, я обрёл здесь новых настоящих друзей. После третьего кур-

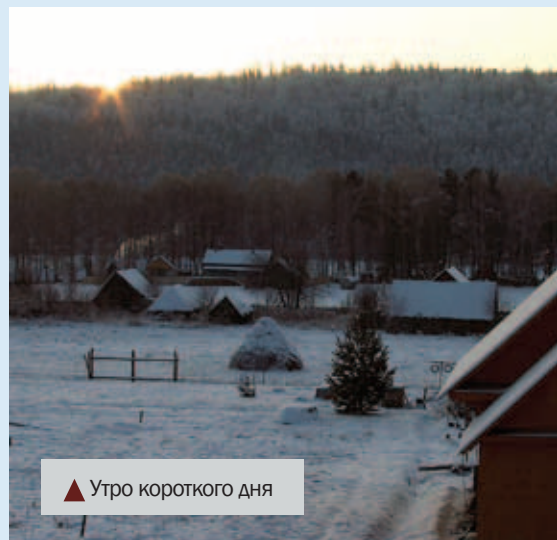
са я уже самостоятельно повёл группу на Северный Урал (Денежкин Камень), с переходом в верховья реки Вишеры (посёлок Велс) и сплавом на плотах. С этого времени походы по необжитым местам Урала стали частью моей жизни, стали моим постоянным увлечением. Осенью того же года в полях деревни Желонки под Камышловом нашли друг друга «две половинки». Это случилось на студенческой «картошке». Через месяц мы с половинкой по имени Тамара вместе слушали лекции в аудиториях института, больше никогда не расставаясь надолго, воплощая совместные планы в жизнь. Тамара родилась в Приморье в посёлке Терней, окончила школу в Хабаровске и приехала учиться к нам в УПИ, чтобы стать инженером-теплотехником. По окончании института нас распределили в Уфу на завод № 26 Министерства авиационной промышленности, сейчас это

▼ Мы вместе. Оленьи ручьи. Фото 1955 г.

▲ Вид на восток

▲ Родители на крыльце усадьбы.
Фото 1972 года

▲ Утро короткого дня

Уфимское моторостроительное производственное объединение (УМПО). Завод нас принял очень хорошо, работа нам нравилась, и мы трудились с удовольствием, не жалея себя. Через четыре года мы уже обустроились в своей квартире, и чуть позже приобрели и транспортное средство — моторную лодку с мотором «Москва». Теперь мы все выходные дни старались проводить на берегах реки Уфимка, так ласково называют её жители города. Город Уфа располагается в междуречье между рекой Уфа и рекой Белая. Заводской район расположен в северо-восточной ча-

сти города, ближе и удобнее от нашего дома было добираться до Уфимки, где на берегу мы стали держать лодку и мотор.

В 1963 году отпуск у нас приходился на лето, и мы прекрасно провели его на Павловском водохранилище. Мы полюбили эти места, и все последующие летние отпуска мы проводили уже здесь. От Уфимского переулка до берега водохранилища идёт улица Священной рощи, дома на которой расположены только на одной западной стороне улицы. Посредине улицы проходит новая насыпная дорога. Старое Чебыково было марийской деревней. Согласно обычаям марийцев небольшую рощу, видную на заднем плане фото, назвали Священной. На переднем

плане — поросль молодых (10–15 лет) сосенок. Гора за рекой заканчивается мысом. На этом мысу у самого берега стояла наша палатка летом 1965 года. Жили мы на этом мысу около недели. Ежедневно я отправлялся в Чебыково на казанке покупать молоко у Малики Исаковой, дом которой стоял на безымянной улице Священной рощи недалеко от берега. В те годы в каждом дворе держали корову, а вот картошки, к моему удивлению, купить я не смог. Это было первое знакомство с деревней и её жителями.

На следующее лето, по просьбе внука, свой отпуск согласилась провести с детьми моя мама — Анна Павловна, которая приехала из Свердловска. С тех пор дети каждый год на каникулы выезжали вместе с бабушкой на водохранилище в Чебыково. Со временем мы пришли к решению купить в деревне свой дом и в «наш новый дом» на отдых впервые приехал отец вместе мамой и внуками. Отец был журналистом, одним из первых редакторов журна-

▼ Фокс Вайс, Тамара и урожай опят

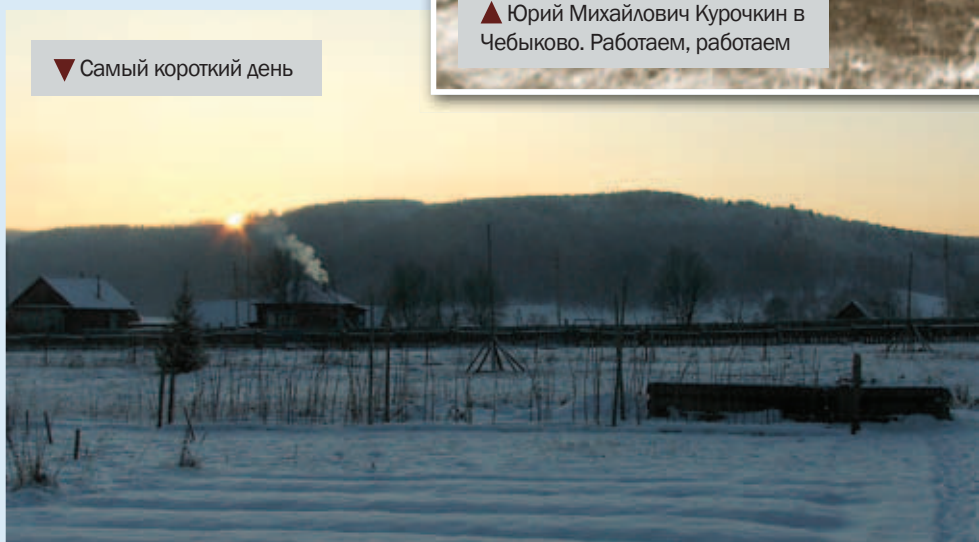
▲ Юрий Михайлович Курочкин в Чебыково. Работаем, работаем

ла «Уральский следопыт». Оказавшись в новых примечательных местах, он, как истинный краевед, стал знакомиться с историей этого чудесного уголка Южного Урала, собирая материал для публикаций. Отличным результатом этих поисков стала серия очерков «Уфа — река уральская». *«О красотах реки можно написать много. Тем более, что на разных участках её они разные, а разнообразие это не только предлагает выбор на любой вкус, но и само по себе представляет особую прелесть. Мне вот больше по душе пришёлся участок от Павловки до Суяна. С постройкой Павловской ГЭС он стал называться Павловским водохранилищем. Почему именно он полюбился, и сам себе, пожалуй, не отвечу. Его надо увидеть, пожить там, съездить — ну, не пуд, а хотя бы фунт соли на его берегах, чтобы потом на всю жизнь остаться у них в плену привязанности, чтобы с первой весенней каплей уже начать отсчитывать дни свидания с ними...»*. (УС, 1976 год)

На годы Чебыково стало любимым местом для нашего совместного отдыха. Дом требовал ремонта: протекала крыша, подгнило крыльцо, забор тре-

▼ Самый короткий день

бовал ремонта и т.д. Появилась необходимость обустриваться, приводить в порядок усадьбу. В Чебыково мы стали приезжать каждый год, очередность отпусков «лето — зима» изменилась на «весна — осень». Почти все дни отпуска проходили в работе. Постепенно отремонтировали дом, построили

баню, благоустроили двор. Осенью лес одаривал нас грибами.

В середине восьмидесятых родители последний раз приехали в Чебыково, когда мама была уже серьёзно больна. После её ухода из жизни и отец больше не бывал на Павловке. Теперь в отпуск вместе с нами приезжали внуки. Шли годы, завод, где мы проработали всю трудовую жизнь, стоял. Это были «лихие 90-е»... Наше решение переехать на постоянное жительство в деревню было вполне естественным. В 2000-е здесь выросло уже много новых домов. Деревенская лесопилка обеспечила все новостройки. Вырос и лес молодых сосен рядом с деревней. Гору на другом берегу с крутым склоном называют Лиственничной из-за обширного светлохвойного леса, меняющего окрас в межсезонье. После длинной ночи, в самый короткий день в году, в центре её ложбинки восходит солнце, восхваляя жизнь. И каждое лето дом в родном Чебыкове ждёт уже наших правнуков... 📺

▼ Восход над лесом

Столбовая дорога

Сибирский тракт

▼ Гнездо в старой берёзе
вдоль тракта

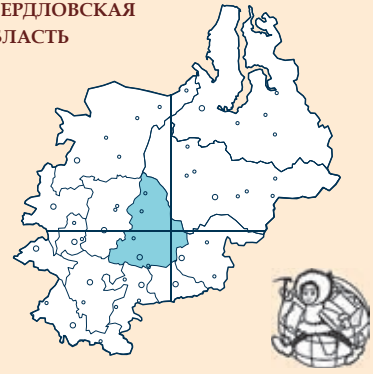
Началом строительства Московско-Сибирского тракта принято считать 1733 год. От Москвы он прошёл через Казань, Осу, Пермь, Кунгур и Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Енисейск, Иркутск, Верхнеудинск и Нерчинск, до города Кяхты.

На землях Белоярской слободы и соседних с ней деревень работы по его строительству велись почти восемь лет — с весны 1737 года и до осени 1744 года. При Пермском губернаторе Карле Модерахе (с 1798 по 1811 год) тракт расширили, осаждали берёзами, на всём протяжении окопали канавами. Ширина проезжей части составляла шесть саженей или, по современным единицам измерения, — 12,8 метра. А вдоль всего тракта были поставлены каменные верстовые столбы.

В тот период эта дорога во многих изданиях называлась столбовой и считалась самой благоустроенной в России. Движение было весьма интенсивным. Только в течение одного 1872 года по тракту прошло почти 85 тысячи возов, карет и кибиток. А за вековую историю по тракту прошло более миллиона арестантов всех категорий. По Сибирскому тракту проехали известные путешественники и особы царской семьи. Думаю, в будущем филиале музея Сибирского тракта

◀ Чудовы истоки Сибири частный музей Виктора Овчинникова фото Л. Левицкой

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Александр Копырин

Краевед, действительный член Уральского историко-родословного общества, член Русского географического общества. Регулярно публикуется в газетах, родоведческих сборниках и журналах, включая «Уральский следопыт». Автор книги о городе Асбесте. Активно занимается поисково-экспедиционной работой.

Мы гордимся!
сь за Родину!
945 г.г.

Костромин Михаил Федорович
Костромин Петр Артемьевич
Костромин Сергей Евгеньевич
Костромин Федор Константинович
Пормяков Александр Николаевич
Рубцов Алексей Петрович
Рыбин Василий Николаевич
Ходарченко Николай Васильевич
Чудов Александр Иванович
Чудов Анатолий Иванович
Чудов Артемий Сергеевич
Чудов Василий Максимович
Чудов Василий Петрович
Чудов Иван Дмитриевич
Чудов Иван Федорович
Чудов Николай Дмитриевич
Чудов Прокопий Алексеевич
Чудова Нина Васильевна
Чудов Алексей Иванович
Чудов Василий Алексеевич

у нас на Урале будет присутствовать перечень известных имён, которые совершили путешествие по этому пути, включая немецких путешественников и учёных с мировым именем: А. Гумбольдта, П. С. Палласа, А. Э. Брэм; русских ученых-путешественников: Н. М. Пржевальского и П. П. Семёнова Тянь-Шанского. Здесь провозили в ссылку и А. Н. Радищева, и Н. Г. Чернышевского, и известных декабристов. Здесь проезжал в Сибирь и будущий «царь-освободитель» Александр II в 1836 году.

По тракту прошли миллионы людей. Служивых, торговых, арестантов, каторжников, переселенцев, «вольных» людей и просто беглых. А еще богомольцев. Так раньше называли паломников, которые шли на святую землю поклониться гробу Господню. Шли они в летнее время, группами

▶ Древние берёзы вдоль тракта

▼ Следы тротуара вдоль дороги

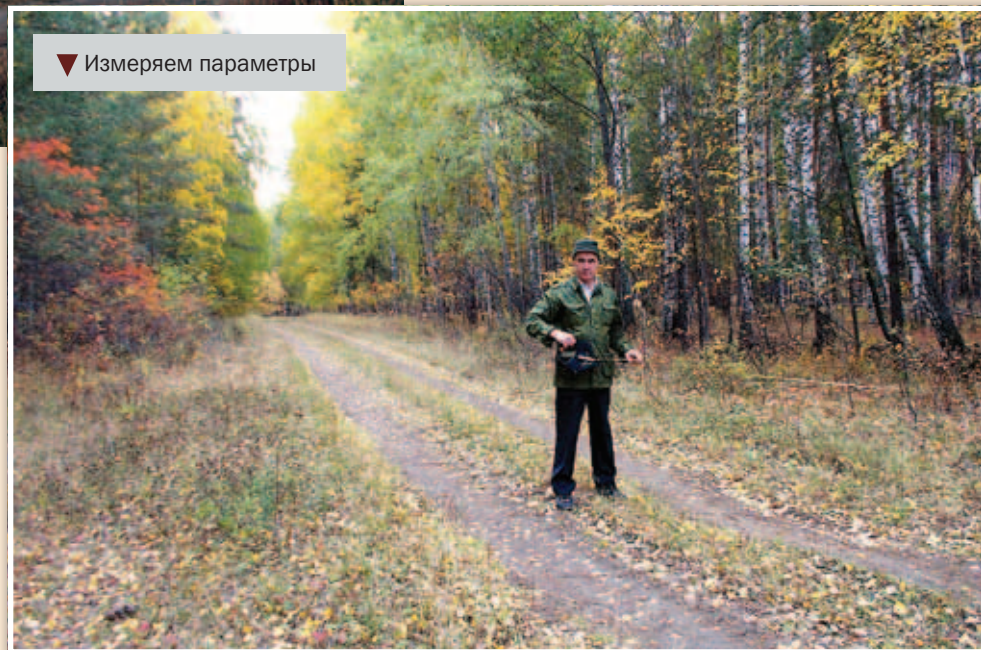

▲ Перекрёсток и дорога на Чудово

и поодиночке. В селе Грязновском, например, они могли остановиться, передохнуть и подкрепиться. Сельское население считало их святыми людьми, относилось к ним с почтением и пускало на ночёвку. Это считалось богоугодным делом. Вот так с группой богомольцев и один из жителей села Грязновского ушёл на святую землю. С собой взял икону. По словам старожилов, путешествие продолжалось целый год. Вернувшись обратно, он всем показывал икону, к которой местные жители прикладывались с поцелуем. До конца жизни рассказывал о порядках и нравах в далёких землях.

Сибирский тракт у нас почти рядом, он проходит через посёлок Белоярский, идёт в восточном направлении на город Богданович извилистым маршрутом. По современным меркам это совсем рядом с нами, поэтому мы решили пройти по трассе Сибирского тракта. Пока его ещё можно различить на местности — что осталось от некогда самой знаменитой дороги России. Подстегнуло нас ещё одно обстоятельство. В прошлом году из Москвы приехали коллеги, которые интересуются историей Урала и родословными связями. Нам пришлось провезти гостей по интересующим их местам. По пути показали им трассу старого Сибирского тракта и услышали вопрос: «Какова ширина Сибирского тракта?».

Действительно, какова на самом деле ширина старого Сибирского тракта? В различных изданиях и всезнающем интернете цифры немного отличаются. А тракт вои, совсем рядом, и находится ещё в приличном состоянии. Поэтому было решено обследовать, промерять, запечатлеть, что ещё можно, на современ-

ные цифровые носители. На сегодняшний день настоящий Сибирский тракт, на участке от посёлка Белоярского до города Богдановича, находится в стороне от проезжих дорог, а параллельно ему проложена современная асфальтированная дорога, которая так же называется Сибирским трактом.

В полукилометре от асфальтированной дороги, прямо перед нами, — совершенно целое строение земляного полотна от старого Сибирского тракта. Здесь в наличии и в отличном стоянии не только сама дорога, но и тротуары по обеим сторонам дороги. Тротуары подняты над уровнем основной дороги примерно на метр. Интересная деталь: по обеим сторонам тротуаров сделаны кюветы. Они до сих пор хорошо видны на местности. Совсем недалеко от посёлка Белоярского мы произведём первое измерение. Дело в том, что во всех печатных изданиях и официальных документах ширина Сибирского тракта указана 6 саженьей, или 12,8 метра. Самое первое измерение показало, что

ширина кювета с южной стороны — 2,8 м, ширина тротуара — 4,2 м, ширина второго кювета к дороге — 3,2 м, ширина проезжей части — 14,10 м, ширина кювета — 3,1 м, ширина тротуара с северной стороны — 5,2 м и ширина кювета — 2,4 м.

В своё время, разговаривая со старожилами села Грязновского, я слышал, что вдоль всего старого Сибирского тракта были сделаны тротуары. Только их почему-то называли не тротуарами, а «булеварями». И рассказывали, что сверху они были отсы-

паны жёлтым речным песком. Меня это очень удивило, понятно, что тротуары могли быть сделаны на территории жилых посёлков или деревень, но как они могли быть сделаны и, самое главное, зачем вне жилого пространства, например, в лесном массиве. Кроме того, старожилы рассказали, что через каждые 30 м росли берёзы, которые также были посажены на протяжении вдоль всего Сибирского тракта. В пургу, когда тракт переметало, — они служили прекрасным ориентиром.

Со всех сторон — лес, в низменных участках по обочинам растут буйные кусты, в которых перелетают мелкие птички... И в этой тишине, где-то далеко слышен перестук железнодорожных колес на чутунке. Именно так говорило старшее поколение: не железная дорога или транссибирская магистраль, а «чутунка». Кстати, современное поколение старожилов, проживающее вдоль железнодорожной магистрали на Дальний Восток, называет её «Китайским трактом». В южном направлении видны поля до горизон-

та, скрывающиеся за холмами. На север прямо в открытом поле видна современная автомагистраль, по ней на большой скорости мчатся легковые автомобили и целыми караванами идут разноцветные фуры. Убранные и перепаханые поля чёрного цвета, скошенные поля зерновых ярко-жёлтого цвета, а на поле лежат рулоны упакованной соломы до самого горизонта. Посредине ярко-жёлтого поля стоят небольшие берёзовые островки с ярко-зелёной листвой.

В левую северную сторону уходит хорошая дорога, это на деревню Чудова. Дорога эта существует с очень давних времен, она нанесена на все старинные карты. А на пересечении дорог обозначена часовня. Если сказать, что дорога на Чудова не меняла своего направления, то с большой долей вероятности можно сказать, что часовня находилась около пересечения дорог.

Трасса старого Сибирского тракта выходит на возвышенность, и с неё хорошо просматривается раскинувшееся впереди село Грязновское. Только вот церковь, которой так гордились старожилы Грязновского, видна не очень. Издалека виден только современный, сверкающий золотом ку-

рные каменные дома, а также многоквартирные двухэтажные дома за перекрёстком рядом с храмом. Но вот что порадовало: на асфальтовом полотне автодороги на ямах свежие заплатки. В центре села напротив церкви административное здание и на постаменте танк. А ещё двухэтажный магазин с надписью советского периода «Универсам». В былые времена советского периода многие проезжавшие по трассе заезжали в этот магазин и, как правило, что-нибудь покупали. Мне этот магазин запомнился совсем по другому случаю.

В конце 70-х годов XX века, заехав сюда так же с трассы, мы шли в магазин. А вдоль дорожки стояла большая скамейка, на которой сидели старушки, они с улыбками и неподдельным интересом разглядывали приезжих. Поздоровавшись с нами первыми, одна из бабушек спросила меня: не Степана ли я родственник, может сын? И сама же покачала головой. Проходя дальше, я услышал за спиной оживлённый разговор, бабушки прикидывали мой возраст, что-то высчитывали. Я прошёл в магазин, но вопрос, заданный старушкой, засел в голове. Нет, я не сын Степана, но внук, мой дед Степан действительно родил-

ся и жил в селе Грязновском, осенило меня. Выйдя из магазина, я подошёл к старушке и стал спрашивать, про какого Степана она говорила. Оказалось, она говорила действительно про моего деда! Как давно это было... Мой дед, рождённый в селе Грязновском, совсем ещё молодым человеком прошёл через революцию и гражданскую войну, с лихвой помотался по стране в тяжёлые грозные годы. И в конце 30-х годов XX века осел в Асбесте. Он иногда приезжал в село, потом рассказывал дома о нём, но я в то время, будучи школьником младших классов, естественно ничего не запомнил. А здесь, спустя полвека, деда кто-то помнил! Теперь вот магазин на месте, правда с другой вывеской, но нет уже этой скамейки, да и тех бабушек тоже нет... В центре села вдоль дороги установлен старинный каменный верстовой столб. В разговоре с местными жителями узнал, что он валялся где-то в лесном массиве, значит это настоящий, один из тех, которые были установлены вдоль всего Сибирского тракта.

Выехав из села по грунтовой дороге, проехали на поле и рядом со свалкой, увидели ещё один старинный ориентир. Старая Угольная дорога, которая шла со стороны асбестовых копей, по ней с дореволюционных времён возили древесный уголь на Каменский завод. С этой Угольной дорогой связано много легенд, воспоминаний и примет у старожил, проживавших в Грязновском в дореволюционный период.

А мы, зафиксировав её на современные цифровые носители, двинулись дальше. За пересечением с автодорогой, ведущей в сторону Барабы, трасса старого Сибирского тракта, пересекая поле, вновь идёт по лесу. Здесь, в лесном массиве, сохранность старой дороги почти идеальная. Двигаясь вдоль дороги, с интересом смо-

▼ Поля вдоль тракта

пол. Отлично видна металлическая вышка сотовой связи. Интернет, телефон и карты ГУГЛ, а также навигатор работают исправно на протяжении всего маршрута старого Сибирского тракта, пройденного нами.

Село Грязновское раньше считалось очень крупным. Вдоль дороги мы видим дома различной степени сохранности и размерности. Есть и параллельные улицы, и современ-

трим по сторонам. Мечтаем увидеть хотя бы старый пенёк от тех берёз, которые были высажены при строительстве вдоль всего Сибирского тракта. И нам повезло, мы увидели сначала один обломок старой берёзы, затем второй, но в более сохранном варианте. Радостными восклицаниями выразили своё отношение к находке, и от наших громких разговоров в лесу сорвалось с лёжек небольшое стадо косуль. И увидеть их воочию совсем рядом с нами — это, конечно, здорово. Тем более, что на этом участке трасса старого Сибирского тракта подходит близко к автодороге, и звуки проходящих автомобилей долетают до нас отдельными обрывками.

У обломков старых берёз остановились, осмотрели со всех сторон сохранившиеся раритеты, сфотографировались и, конечно, произвели измерения. Один обломок старой берёзы доживает, наверно, последний период. Ещё пару сильных ураганов с ветром — и он упадёт, как и почти истлевший ствол этого дерева, лежащий рядом поперёк дороги. Со вторым деревом дело обстоит лучше. Видимо, много лет назад верхушка дерева была сломлена бурей, и на месте сломы на сегодняшний день растёт два параллельных берёзовых ствола. Видимо, это и даёт силы корневой системе старого обломка. Выглядит он вполне неплохо для своих вековых лет. Невозможно удержаться, чтобы не промерять между ними расстояние. Расстояние составляет 32 метра 38 сантиметров. Если переводить в сажени без учёта мелких сантиметров

получается 15 сажений. Уже через полкилометра трасса старого Сибирского тракта пересекает современную автомагистраль и с плавным поворотом влево уходит на восток к деревне Билейке. Здесь сохранность старой дороги также в отличном состоянии. Полотно дороги накатано, и, по всей видимости, здесь проходит периодическое перемещение колёсной сельскохозяйственной техники. На краю дороги видим ствол старой берёзы, осмотрев дерево, пришли к заключению, что это берёза не периода строительства Сибирского тракта. Но дерево примечательное, крупный кряжистый ствол, и с южной стороны ствола в заросшем отщепе — гнездо небольшой птички.

Дальше трасса старой дороги выходит в поле, и здесь дорога используется, наверно, круглогодично, потому наезжена, как асфальт. Дальше с небольшими поворотами заходит в деревню Билейку. Деревня Билейка

примечательна тем, что на её территории была пересыльная тюрьма для арестантов, которых перегоняли этапными в Сибирь. На сегодня деревня относительно небольшая, но пока живёт и работает.

Наверно, именно здесь уместно сказать, что на старинной карте вдоль старого Сибирского тракта отмечены почтовые станции, и находились они в Белоярке, Билейке и деревне Паршиной. Дальше старый Сибирский тракт частично проходит по селу Тыгиш и продолжается своим прямым маршрутом по полям в сторону деревни Быково. Там трасса обходит деревню с южной стороны и, пройдя вдоль леса плавным поворотом, теряется на распаханных полях. Здесь на месте от старого Сибирского тракта ничего не осталось. Но если глянуть на старую карту, можно понять, что дальше тракт проходил в направлении современного города Богдановича и дальше в сторону села Чернокоровинского, через деревню Паршина и дальше на город Камышлов. Наш путь по небольшому отрезку старого Сибирского тракта окончен. Кроме информационного материала очень много впечатлений эмоциональных, которые перекрывают все другие этапы нашего присутствия на этой древней дороге. Хорошая погода, которая сопровождала нас на всём протяжении нашего пути, добавила положительных эмоций. Некоторым из нас понравились полевые пейзажи участков старой дороги на полях, но самое большое впечатление, конечно, произвели лесные участки именно на том месте, где сохранились хорошо видимые насыпи от тротуаров. Именно по этой дороге гнали лихие тройки ямщиков до следующей станции. В зимний период из центральной России катили санные обозы на Ирбитскую ярмарку. Здесь же двигались тележные обозы местных крестьян и шли понурые колонны арестантов. Как давно это было... **УС**

Царство Пельтигеры

▲ Долина реки Сось. Восточный край леса у подножия массива Рай-из. Фото Александра Калмыкова

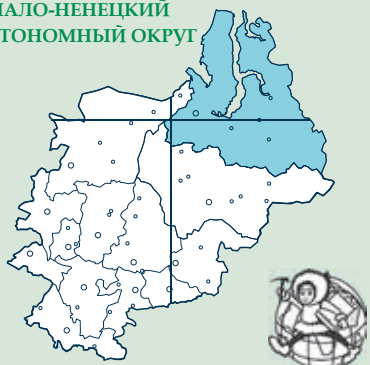
Лихенологическая экскурсия в долину Соби

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следапыта». Живет в Москве.

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**

Фотографии Бориса Маркина

На исходе XX столетия на Полярном Урале, в долине реки Сось, учёные обнаружили более полутора сотен видов лишайников, украшающих местную флору. Эти странные живые «существа» чем-то напоминают иголки, смятые листочки бумаги или ажурные хрупкие кустики.

Название «лишайники» происходит от древнегреческого — λειχήν (лат. lichen) и переводится как «лишай», что связано с характерной формой плодовых тел. Ключевой для нашей экскурсии участок с березняками и ельниками, лиственничниками и приречными ивняками, чередующимися с каменистыми россыпями, луговинами, ерниками и заболоченными понижениями находится восточнее устья ручья Восточный Нырдьвоменшор (приток Соби). Участок тянется вдоль правого берега реки до горного массива Рай-из, неподалёку от известного Нефритового ущелья.

Особые «древесные» виды

Типичных лесных видов лишайников в горно-долинных лесах мало. На коре и ветвях берёзы, ели, лиственни-

цы, высокой кустарниковой ивы заметны свешивающиеся «кудри». Это — кустистый лишайник бриория переплетённая, у которого тёмно-коричневые или оливкового цвета «волосы» достигают 5–10 см в длину. Встречается и уснея жёсткая с прямостоячими, кустистыми, сильно-разветвленными талломами 3–8 см длиной, бледно-тёмно-зелёного или зеленовато-жёлтого цвета. Здесь же можно найти другой близкий вид — бриорию простую.

Намного больше в лесу на Соби лишайников на гниющих пнях и валежнике. Из запоминающихся своим видом отмечу кладонии — палочковую и телесную, имеющие разветвлённые либо неразветвлённые «стебельки», зеленовато-серые и серо-коричневые, 2–10 см высотой, цилиндрические. Кроме них тут встречается гипогим-

▲ Сферофорус шаровидный

ния вздутая с листоватыми талломами (тело, оно же — слоевище лишайника) разнообразной формы («розетки», «полурозетки» или не определенного вида), их лопасти 1–5 см длиной и 1–6 мм шириной тесно сближены или налегают друг на друга. Сверху они серовато-зеленоватые, желтовато-серовато-зеленоватые или голубовато-зеленовато-серые, гладкие или морщинисто-складчатые.

Если эти виды лишайников напоминают иглы, толстые, искривлённые, или лежащие на земле «листья», то у пармелиопсиса тёмного таллома до 7 см в диаметре в виде розеток неправильной формы, да ещё с тонкокожистыми, извилистыми, рассечёнными по краю лопастями. Их верхняя сторона беловато-серая, иногда с коричневатым оттенком. Этот вид обильный, массовый, можно увидеть на всевозможных древесных субстратах — карликовой берёзе и различных кустарничках, на почве и замшелых камнях, на развалах, обычных в долинных лесах.

Близка к этому виду по форме таллома вульпицида сосновая. Её неправильного вида «розетки» имеют до 5 см в диаметре, ярко-жёлтые, лимонно- или зеленовато-жёлтые, реже — оранжевые, гладкие, матовые. Лопасты у них короткие с приподнимающимися волнисто-складчатыми краями. Встречаются они вместе.

Среди типичных древесных форм выделяются ещё два вида. Тукерманнопсис хлорофилловый с листоватым слоевищем неопределённой формы, иной раз до нескольких десят-

▶ Ксантория элегантная

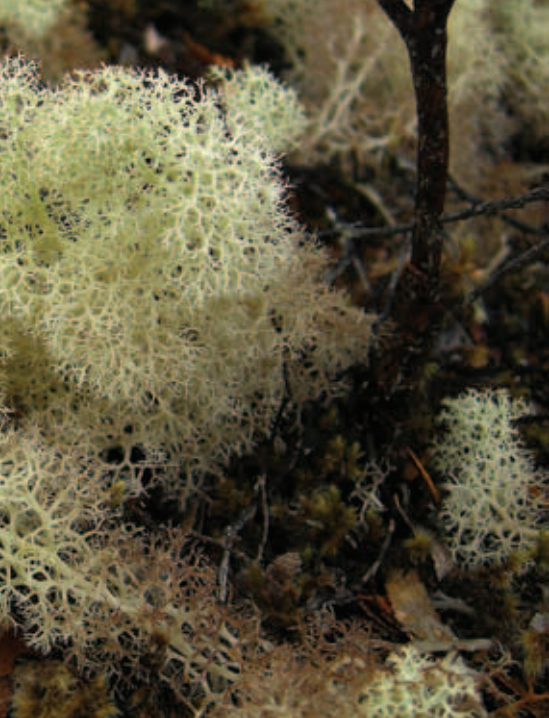
ков сантиметров шириной, довольно слабо прикреплённый к субстрату. Его тело состоит из тесно собранных в центре и свободных по периферии глубоко разрезанных, волнистых и курчавых лопастей. Их верхняя поверхность зеленовато-коричневая, светло-оливково-коричневая, слегка блестящая. Другой вид — тукерманнопсис заборный — отличается от него меньшим размером слоевища. Ещё один «древесно-лесной» вид — пармелия бороздчатая — часто встречается в этой части Полярного Урала на различных древесных субстратах (берёзе, ели, иве и лиственнице), правда, иногда поселяясь на почве и, как исключение, — на камнях.

На древесине и камнях

Большинство лишайников в долинных лесах имеют широкую эко-

логическую амплитуду. Лес — нехарактерный элемент ландшафта внутри горных хребтов Полярного Урала, коим свойственна своя лишайнофлора (флора лишайников). Горные виды селятся на скалах, каменистых россыпях и других «каменных» биотопах, даже на голой «земле». Лес граничит с горными склонами, где широко распространено явление «перехода» лишайников с каменных субстратов и почвы на древесно-кустарниковые растения. На границе леса и гор встречается асахиния золотистая с лопастным слоевищем. Её неправильные «розетки» — до 12 см в диаметре — с широкими лопастями и курчавым краем приподнимаются над почвой и древесными субстратами. Верхняя поверхность

◀ Кладония оленья, или «олений мох»

лишайник местами обилён, в лесу обичен на открытых каменных россыпях, на почве, нередко переходит на кору и валежник ели и лиственницы. Алектория черноватая имеет прямостоячие, сильно разветвлённые, грубые, жёсткие, коричневато-серые, вверху часто черноватые кустики. С горных тундр она «спускается» на каменные россыпи в долинные лиственничники. Сюда же с гор «спускается» и арктопармелия центробежная с розетковидной или неправильной формой таллома. Её сероватое или беловато-матовое слоевище плотно прикреплено к субстрату. Встречаются и желтовато-зеленоватые арктопармелии.

К этой же группе лишайников относится цетрария исландская, или «исландский мох», напоминающая беловато- или зеленовато-коричневые кустики из плоских, желобчато-завернутых или почти трубчатых лопастей до 10 см высотой. Стоит обратить внимание на кладонию стройную (особенно обильную в берёзово-еловом криволесье), бокальчатую и дюймовую (известную по-немецки как кладония ежа) — кустарниковый лишайник от бледно-жёлтого до серо-зеленоватого цвета. Кладония обитает в условиях повышенной увлажнённости.

К кустистым лишайникам экологической группы «камни-почва-древесина» относятся флавоцетрария снежная и меланелия мрачная (с розет-

ковидным слоевищем до 10 см в диаметре, плотно прикреплённым к субстрату, оливково-коричневого цвета, с гладкой и блестящей поверхностью).

В лесу на замшелых камнях и почве, на прогалинах с тундровой растительностью поселяется сферофорус шаровидный — кустистый лишайник с древовидно ветвящимися стволиками, всегда хорошо выраженным главным стволиком и боковыми веточками, светло-коричневого цвета, высотой от 1 до 10 см. В лесном поясе на каменистых россыпях растёт умбиликария хоботковая, у которой слоевище до 7–11 см в диаметре состоит из листовидных, по краю зазубренно-разорванных пластинок, в центре — с крупными и высокими складками, образующими иногда сетку, тонкую, как бумага, сверху — тёмно-серую или коричнево-серую.

Тут же растёт пармелия пупковидная с листоватыми, розетковидными или неправильной формы талломами диаметром до 10–15 см, неплотно прижатыми к субстрату. Лопастей широкие, разветвлённые, плоские или вогнутые, часто обрубленные на концах, светло-серые, светло- или тёмно-коричневые, матовые. Обычна в каменных россыпях и скальниках, на почве, камне, коре деревьев и кустарников (берёзы, ели, ольхи), также на пнях. Полностью отвечает своему названию ксантория элегантная — типичный листоватый лишайник-обрастатель каменистых

▼ Пельтигера пупырчатая

◀ Цетрария исландская, или «исландский мох»

лопастей — сетчато-морщинисто-складчатая, блестящая, беловато-желтоватая, по краю — тёмно-коричневая.

Бросаются в глаза два вида кустистых напочвенных лишайника — алектории черноватой и бледно-охряной. У алектории бледно-охряной кустики прямостоячие или распростёртые по субстрату жёлтого или зеленовато-желтоватого цвета, конечные веточки округлые, 6–10 см длиной, и окрашены в синевато-черноватый цвет. Этот

▲ Ризокарпон географический

субстратов с красно-оранжевым талломом. Растёт в лесном поясе, на скалах и открытых валунах.

Напочвенные обитатели

Обитателей поверхности почв в строгом смысле среди лишайников в этом межгорном лесу немного. Очень эффектным внешним видом запоминается нефрома арктическая: она примечательна своими широколистовидными, приподнятыми и курчавыми краями. Её можно отыскать в елово-берёзовом редколесье, где образует крупные заметные куртины на почве.

Другой вид — пармелия скальная, или наскальная, с листоватым слоевищем таллома, розетковидной формы и диаметром до 15–20 см и слабо прикрепленным к субстрату, сверху имеет сероватый или серовато-коричневый цвет и сетчато-морщинистую структуру. Относится к массовым видам.

На почве часто встречаются крупные «плетки» (до 11 см в длину) пельтигеры пупырчатой с голубовато-светло-зелёными, а во влажном состоянии — ярко-зелёными, крупными (длина отдельных лопастей достигает 11 см), с многочисленными бородавчатыми выростами на поверхности. Снизу талломы розоватые, к центру тем-

неющие, с широкими сливающимися черноватыми жилками.

На почвах в горно-уральских лесах можно найти и чрезвычайно эффектную кладонию телесную — кустистый лишайник высотой 1–4 см. Её горизон-

▼ Кладония красноплодная

тальное слоевище «украшено» вертикально стоящими кубковидными расширениями.

Своеобразным украшением коллекции напочвенных лишайников является кладония оленья, или «олений мох». Он имеет красивые «клубки» – куртины из сильно разветвлённых сероватого или серовато-беловатого цвета, до 20 см высотой, веточек. Данный вид принадлежит к группе видов, известных под названием «олений мох», знаменитый ягель. Справедливости ради замечу, что ягель – это не один вид, а сборное название, куда входят десятки видов.

Только на камнях

Ну, и в конце своего рассказа упомяну ещё один вид лишайников, на мой взгляд, по своим «эстетическим свойствам» самый запоминающийся. Это – ризокарпон географический, накипный литофильный лишайник, особенно эффектный, когда покрывает светлые камни, например, белый или розовый кварц. Его лимонно-

жёлтые или соломенно-жёлтые, иногда отчасти пепельно-серые, цельные или потрескавшиеся корки, ни с каким другим видом лишайников не спутаешь. На «диске» развиваются зеленовато-чёрные или оливковые слои, что придаёт таллому характерную пёструю окраску, напоминающую расцветку географической карты. Именно поэтому данный вид лишайников получил видовое название – географический. В долине Соби его можно найти на свалившихся с горных склонов Рай-иза валунах, лежащих по краю прируслового леса или за его пределами.

Один интересный факт из «жизни» этого лишайника. Зная скорость его ежегодного прироста (0,25 мм в год),

▲ Уснея жёсткая

гляциологи используют ризокарпон географический в качестве надёжного «инструмента» при определении относительного возраста морен. Основанным на специфике роста лишайника лихенометрическим методом удаётся определить примерный возраст важных для человека исторических и природных каменных объектов, таких как, например, надгробия, исторические или доисторические скальные сооружения или морены. Именно с его «помощью» удалось проследить ландшафтные изменения на Полярном Урале в области оледенения за последние 200 лет. **УС**

◀ Бриория переплетённая

▼ Алектория бледно-охряная

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** 10000124-201X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** 10000124-201X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Апрель 2023

Аэлита

50

Законы Вселенной

СТАНИСЛАВ КОЧЕТКОВ

Возвращение «Чёрного Принца» **50**

65

Законы Вселенной

ИГОРЬ ТУМАНОВ

Разуму вопреки

65

*(Продолжение; начало в № 1 за 2023)***V. Генри Джим Хокинз Второй**

Через три дня после легендарного улова кефали.
*Посвящается генерал-лейтенанту казачьих
 войск, атаману Миусского Казачьего округа
 Всевеликого Войска Донского Роману Ивлеву.
 «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».*

Возвращение «Чёрного Принца»

Станислав Кочетков

родился в 1965 г. Вырос в СССР, жил на Украине, теперь в ДНР. По образованию филолог, работал в школе и в вузе. С 2003 г. ушёл в область IT — в настоящее время администратор защиты информации и системный администратор (SecDevOps). Женат, дети взрослые. Увлечения — автомобили, паруса, туризм; из общественной деятельности — волонтерство, казачество. Литературный путь начинался в Клубе самодельной песни, затем продолжился в прозе. Член СП ДНР.

Папа назвал свой трактир «Адмирал Бен Боу». В принципе, по сути это был не трактир, а так, мелкая деревенская забегаловка, чуть-чуть лучше таверны, как раз посередине между ближайшей деревушкой и городом в бухте бобо-Клёва. Папа служил под началом Адмирала, ещё тогда, когда на Феодорской Феме — то ли острове, то ли полуострове в гряде Угольных Островов, связанном тогда тонкой узкой песчаной косой с Метрополией — а вообще то с Метрополией, то с Полуостровной Олигархией: одну косу размывает, другую намывает, а потом опять наоборот — началось антинацистское восстание, позже названное «Фемской Весной». Ну и вместе с ним, тогда ещё не Адмиралом, а кавторангом Вениамином Игоревичем Лучниковым, на захваченном восставшими у Полуостровных лидер-круизере «Славный» прибыл на Остров. Поднимать «Фемскую Весну» и здесь.

Это сам Адмирал («самозванный адмирал», как злословили завистники и злопыхатели) придумал брать позывные на языках Замории, а ополчи-последователи с удовольствием расхватили имена литературных героев-пиратов. Так Вениамин Лучников стал Беном Боу, а отец Игоря, Игоря Евгеньевича Крюкова, стал Джимом Хокинзом. Говорят, вначале, когда и оружие, и оборудование у обеих

воюющих сторон было одинаковое, Полуостровное, точнее, Имперское со всеми модернизациями Полуостровных, надики, слушавшие связь ополчей, здорово трусили, услышав вместо «ура» Заморийское «аллах акбар» и имена страшных пиратов. А потом это стало традицией.

В боях за Мэриленд, неудачных для ополчей, Игорь Васильевич Крюков потерял обе ноги. Команда «Славного» (тогда уже лидер-круизера «Чернославье») главного своего торпедиста не забыла, скинулись деньгами на лечение даже в самой Метрополии, а потом, когда Игорь Васильевич уже на протезах, но с костылями, прибыл домой, на Остров, помогли деньгами и на трактор. В боях за Лутугинские острова «Чернославье» был изрешечен и выбросился на мель, выживший экипаж спасся, но снимать с мели груды металлолома, оставшиеся от «Чернославья», посчитали ненужным. Да и Вениамин Лучников к тому моменту перестал пользоваться авторитетом и как военный специалист (что ни говори, но стратегический предел Бена Боу оказался совсем не адмиральским, тактик — да, замечательный, а стратег явно на уровне кавторанга), и как политический лидер. А после вскрывшихся злоупотреблений был отозван в Метрополию на суд офицерской чести, и разрешения на покинуть территорию Метрополии, прибыть на Острова пока не получал. Теперь во флоте Суверенной Республики Остров есть другой круизер с именем «Чернославье», но это уже обычный круизер, не лидер. И скорость, и огневая мощь заметно меньше, правда, сильнее бронирование. А папа свою таверну всё же назвал «Адмирал Бен Боу».

Выстроил папа таверну на фундаменте чего-то очень древнего, чуть ли не времён Предтеч или

первопредков. От старого фундамента неподалёку от вершины горы Ак-Комор к бухте бобо-Клёва тянулась почти на километр циклопическая лестница с уже полуобвалившимися ступенями, от окрестных деревушек виноградарей и табаководов к этому месту вились достаточно широкие каменистые тропинки: это окрестная деревенщина, вырываясь на подённую работу в город, принципиально игнорировала движущийся удобными, но длинными дорогами общественный транспорт («что? деньги платить? деньги зарабатывать надо, а платить всегда дорого!»), и вместо десятка километров в комфортном салоне предпочитала отмотать два-три-четыре километра пешком сначала вверх, на гору, а потом вниз, по ступеням лестницы.

За подённую работу платили хорошо: и в рыбацьем порту, и в торговом, и в пассажирском услуги грузчиков ценились дорого. Не так дорого, как услуги золотарей в самом городе, но на эту работу деревенским ещё нужно было суметь попасть, а грузчик «бери побольше, неси подальше», особенно там, где техникой не подъехать, были нарасхват. Вот и выкраивали местные деревенские денёк-другой в неделю из своего вечного сельскохозяйственного цикла, чтобы смотаться в город, чтобы заработать за один день столько же, сколько удавалось заработать за долгий зимний месяц.

Ну и на обратном пути никто из них, уже с деньгами, на общественный транспорт не тратился — ты что, это же барство и безумная трата денег! — очень многие останавливались возле «Адмирала» чтобы пропустить кружечку холодного пивка, да с копчёным красным окуном, да с орешками, а потом всё отполировать джином... Многие умудрялись спустить всю дневную получку, и назавтра бежали вниз по ступеням вприпрыжку, чтоб было хоть что-то до-

мой принести. Но большинство чётко делило «треть Адмиралу, две трети семье». Со временем «пополам Адмиралу и семье».

Евгений Васильевич, видя, как в его таверне народ спивается, нервничал и переживал, поднимал цены на спиртное почти до небес, опуская цены на еду и закуску, готовил прямо-таки гурманское меню, пытался говорить, объяснять, убеждать и агитировать, но без толку. Возможно, это и ускорило папину болезнь, и вот уже месяц папа медленно угасал наверху, в хозяйской спальне, а за стойкой бара стоял Игорь Евгеньевич, пятнадцатилетний угловатый крепьш со сросшимися в нитку густыми бровями, быстрый, как пантера, ловкий, как макака, с только-только намечающимся пушком на верхней губе, прыщеватых щеках, ломающимся голосом, громадных кулаках и бычьей шее. Мама разве что помогала программировать кухонный комбайн на купленные сыном продукты, все дела таверны Игорь Евгеньевич вёл сам. И налоги сам платил, и даже честно. Не говоря о том, что выставить потерявшую берега деревенщину из трактира хоть словом, хоть насмешкой, хоть физической силой у юного Гарри Хокинза проблем не вызывало. В отличие от школы, где Игорь хронически «неуспевал».

Даже будучи хроническим двоечником, героически сражающимся за очередную «удовлетворительно» сам с собой, Игорь папу боготворил. Воспоминания семилетнего сопляка, только-только перевалившего первый в своей жизни школьный семестр, когда вечером папа, в тот момент инженер-теплотехник на хорошем счету, о чём-то долго секретничал с мамой, потом собрал небольшой рюкзачок, чмокнул усыпающего сына в макушку, надел пилотку торпедиста и ушёл в ночь. Много позже узнал Игорёк, что торпедисты, мотористы и акустики всегда носят чёр-

ные пилотки, артиллеристы и ракетчики — кепи, офицеры — фуражки, абордажники и десантники — береты, а все остальные моряки — бескозырки. Но сначала через два дня полыхнула «Фемская Весна», и Метрополия, признав голосование жителей Автономии Феодоро, включила её в свой состав и ввела войска. Тогда папа стал для Игоря героем.

А потом были страшные события в Полуостровной Олигархии, и на Остров повезли останки павших полицейских, сгоревших активистов, раненых, больных, увечных. А потом Адмирал Бен Боу на «Славном» вошёл в бобо-Клёва, и папка вернулся домой на побывку, на целых три дня. Он был горд, он сиял не хуже новенького, только-только что вручённого за морской бой с эскадрой Полуостровных «Креста Копейщика», ему, при спуске по трапу со «Славного», повесили на шею венок из весенних цветов и надарили букетов, и всеми этими букетами он осыпал маму, а потом сверху надел венок, схватил её на руки и, смеясь, долго-долго кружил по квартире. А потом были бои, долгие и трудные, и если с эскадрами противника, стремящимися на полном ходу обстрелять, расстрелять ракетами и снарядами Угольные Острова, было всё понятно что делать, встречать и бить, то что делать с отдельными нацистскими лидерами и линкорами, вынырывающими из ничего, из глубины моря в самых непредсказуемых местах, за залп выпускающих огромное количество снарядов и ракет, дающих два, три, реже четыре залпа и опять ныряющих в пучины моря, не знал поначалу никто.

И папка пошёл в «Чёрный Флот». Как и вся их тогдашняя эскадра. Почему чёрный? Да потому что месть имеет только один цвет — чёрный.

Через полгода после «Фемской Весны» враги вдруг напали на Мэриленд, неожиданно ночью

всплыли очень большой флотилией, и под прикрытием обстрела ныряющих и всплывающих лидеров огромная флотилия рейдеров нагло влетела в бухту Мариполиса, высадила десант и захватила город. Город на острове был главным и самым большим, но не единственным. Папа пошёл в десант, как и больше половины матросов и офицеров «Чернославья». И других судов «Чёрного Флота». Битва была долгой, упорной, кровавой и неудачной. Папку привезли домой без обеих ног...

Игорь Евгеньевич смахнул рукавом нахлынувшие от воспоминаний слёзы и попытался переключиться на день текущий. Вот три дня назад Валерий Вениаминович Кидушкин, хозяин трактира-конкурента «Принцесса», притянул на мелком своём и непонятном «Суверенитете» целый невод, полный огромного улова кефали — говорят, эта рыбка ещё с прародины Предтеч, и там она не была такой громадной и жирной, как на Поляризе. Вот часть этого улова — совсем немного, килограммов пятьдесят — удалось перехватить прямо на выходе из коптильни. И теперь у него есть идеальная пища, и даже закуска для гурманов: стейки из кефали. Её бы продать подороже, ведь это редкость и раритет...

Но что сказал бы папа? Нет, наверное, нужно так: если это еда, то с гарниром, с пюре из перетёртых каш или с картофелем, тогда и её разогревать-разжаривать, в общем, готовить. Вот на ту, которую будем готовить, установим минимальную наценку, как папа делал «за еду». А вот на ту, которую как закуска, к пиву...

Нет, целый стейк к пиву — это много. Его нужно нарезать соломкой, а потом замачивать в маринаде... Нет, лучше присыпать пряностями, перцами и тмином! Вот! Тогда тоже будет готовка, за которую можно будет брать наценку! И, так как к пиву,

то в порции рыбы будет очень мало! Пусть будет рыба, копчёный сыр и брынза, тоже ломтиками: местная деревенщина делает прекрасную козью брынзу, и обходится недорого! И пусть эти порции будут по той же цене, что и кефаль «на еду», мы эту наценку возьмём не прямо, но косвенно!

Такая прибыльная мысль грела душу начинающего трактирщика, правда, в совести ковырялся червячок сомнения: а что сказал бы папа? А его боевые товарищи, тоже, по определению, герои? А сам Адмирал? С этими мыслями юный Гарри Хокинз поднял глаза и увидел Адмирала...

* * *

Вениамин Игоревич Лучников наконец-то получил разрешение прибыть на Остров. В командировку, по служебной надобности, только для проверки: его опыт использовали, он служил экспертом в вопросах военного снабжения в военной прокуратуре. Какая-то левая, очень молодая, есть подозрение, что подставная фирмочка заказала строительное оборудование явно двойного назначения: с ним лучше воевать, чем строить. А местная Островная таможня это дело прощёлкала, пропустила. И вот теперь, через много лет, Вениамин Игоревич мог ступить на землю Острова. Хотя бы ненадолго.

Стоит признаться, что он сам не мог разобраться в себе, что больше тянуло его в эту командировку: стремление ступить на землю Острова, хоть на чуть-чуть вернуться в восьмилетнее славное прошлое, назад, в молодость и славу; желание вычислить и покарать ту подлую нацистскую тварь, которая просочилась на Остров и сейчас готовилась к так страшившим всю Метрополию терактам и вооружённым бунтам; или честолюбие, банальное желание выслужиться, в очередной раз доказать свою полезность,

необходимость, нынешними успехами замаскировать тень прошлых неудач. Наверное, всё это вместе и сразу, но в каких долях — он не знал. Как не знает себя самого большинство из живущих людей.

Недолгое, всего два дня на транзитном Загорийском экраноплане, путешествие далось Лучникову тяжело. Нет, в первую ночь, сразу после посадки, он спал, и спал хорошо, но потом... Потом воспоминания о прошлом нахлынули со всех сторон. Нет, экраноплан, конечно, не лидер, он не умеет нырнуть на глубину и двигаться в режиме подводной лодки, но вот эти постоянные прыжки «Прыгунца-17» то вверх, то вниз — чем не аналог погружений лидера? А громадные иллюминаторы в ресторане на верхней палубе экраноплана так напоминали большие окна кают-компаний «Славного», а взлетающая вверх водяная взвесь, морской туман, а потом падающее вниз небо хотя бы зрительно напоминали бортовую качку, которой так не хватало для полноты ощущения реальности Беном Боу.

И сразу вспомнилось, вот, они стоят в бухте бобо-Клёва, капитан собирает старших офицеров, предупреждает о скором прибытии срочного и совершенно секретного приказа, который «Славному» нужно исполнить быстро, без задержки, не обращая внимания ни на что, даже на отсутствие капитана. И тут же покидает круизёр. И коммуникатор выключает. А вернувшийся через час начальник связи доложил, что видел капитана в цивильном, садящимся на рейсовый автобус вглубь острова.

К тому моменту, как прибыл приказ, Вениамин Игоревич уже был хоть чуть-чуть, но в курсе: инфосеть гудела от сообщений с восставшего Феодорского, как всегда, любой гран истинной информации сопровождали тонны лжи, искажающей реальные факты. У Лучникова были собственные источни-

ки, и, хотя гражданская связь с Фемой отсутствовала напрочь, сослуживец-связист по закрытому флотскому каналу рассказал, что город Феодоро, порт и флот восстали. Флот восстал против нацистских по сути приказов: в Олигархии захотели создать собственную нацию, отличную от населения Метрополии и других остатков четверть века назад канувшей Империи. Даже название придумали, переименовали прежнюю обидную кличку обитателей Меотидских болот, «болотников»; теперь они стали «уводяными», «живущими у воды». И вот по национальному признаку — признанию своими Полуостровных, а Метропольцев и прочих Имперцев не просто чужими, но врагами — подвергнуть флот чистке. А потом открыть огонь по местам скопления недобровольных гражданских на берегу: по местам проведения митингов и демонстраций. Гражданские, конечно, восстали против законов, лишавших равноправия представителей нетитульной нации — ведь четверть века слишком мало, чтобы перестать себя мыслить прежними мерками. В результате восставшие корабли флота остались возле причальных стенок, а верные присяге и исполнившие приказ Олигархии вышли на рейд и приготовились к обстрелу берега. После чего стоящие у причала приготовились топить суда на рейде. А на берегу гремели митинги, демонстрации и даже побоища между сторонниками захватившей в Полуостровной Олигархии власть нацистской хунты и свергнутого, хоть вороватого, беспомощного и беззубого, но не нацистского правительства.

Вениамин догадывался, что будет в этом совершенно секретном приказе. Именно поэтому он, тогда третий помощник капитана, заранее распустил слух по нижним палубам и выписал всем, не желающим принимать участие в вооружённой раз-

борке между наци и имперцами, увольнительные. И тут же набрал на берегу «волонтёров» на должности, покинутые «увольняшками». Так что через пять часов, когда приказ прибыл и был вскрыт, большинство в команде уже составляли его сторонники.

Как и ожидал Лучников, лидер-круизёр был нужен нацистам лишь для того, чтобы дойти до Феодорского, поднырнуть, пройти всю Северную бухту и, всплыв возле причальной стенки, торпедировать корабли флота, отказавшиеся подчиняться приказу нацистов. Как и предполагал кавторанг, кают-компания отнеслась к этому приказу весьма неоднозначно: престарелый старпом и каперанг взорвался матерной тирадой на тему «мне полгода до пенсии, у меня дочка в Столице в университете учится, всех видал и всех крутил, идите нахрен, у меня здоровье» — и тут же вызвал гичку, чтоб его доставили в госпиталь на берегу. Второй помощник только беспомощно плямкал губами и посматривал на двух своих друзей-собутыльников: командира БЧ минёров и командира БЧ ракетчиков, первый был из явных наци, второй из семьи олигарха-имперца, но собутыльники давние, уверенные, спитые, упорные и запойные. Вениамин только пододвинул ногой заранее приготовленный полуящик с шестью бутылками коньяку, второй помощник заглянул под стол, радостно оскалился и с криком «мне нужно устроить мозговой штурм, командиры боевых частей минёров и ракетчиков за мной!» схватил ящик и был таков.

После этого Лучников остался старшим офицером в кают-компании, да и всё-таки третьим помощником капитана. И говорил речь. Он уже не очень точно помнил все те слова, которые говорил, на море начиналось волнение, три-пять баллов, а потому за окнами кают-компании было всё точно

так же, как сейчас в ресторане. И Бэн Боу опять заказывал «ещё стописят коньяку, лимон в сахаре, шоколадку, сёмгу и сыр».

К вечеру он, так и не выйдя из ресторана после завтрака, накачался, надрался ещё не вдрызг, но, как говорят, «кляузы намокли и промокли». И мысли с воспоминаний героических как-то незаметно перепрыгнули к воспоминаниям трагическим, к воспоминаниям о том, как его убрали с Острова.

Сначала ведь было как? Помимо пограничников на своих небольших, но быстрых катерах, каждый из островов Угольного Архипелага имел приписанный к нему вымпел. Ну как «приписанный», вот его лидер-круизер считался приписанным к Славному, главному острову в гряде десятка Славных островов, где и угля-то, если по большому счёту, уже почти что не было, но — песчаные берега, мелкое море вокруг — большое количество солеварен, химических заводов, даже машиностроительный комбинат тут был. То есть «Славный» к пристани Славного и подойти-то не должен был мочь (хотя Бен Боу умудрился это сделать). И главной базой «Славного» был Остров, а на Славном была главная база «Косатки», рейдера Зоркого Пью. Вот по этим-то судам «островного флота» в основном и распространилась пропаганда Бена Боу. Часть кораблей, ту же «Жемчужину», он увёл из Фемы (те, которые стояли на рейде и не смогли уйти в Олигархию, как правило, из-за того, что команды под угрозой обстрела «Славным» их покинула), часть судов тупо отжал у пограничников, флот получился небольшим, но зубастым. И вот этим-то флотом он и встречал набеги Полуостровных.

Сначала Полуостровные действовали нагло, нахрапом: подходили к островам большими силами, входили в бухты, обстреливали берег с воды, а по-

том высаживали десант. И пока местные силы самообороны успевали собраться и прибыть к месту высадки, как правило, города и посёлки были сожжены дотла, местные жители вырезаны, а их имущество разграблено. Местные, конечно, защищались как могли, выстраивали рыбацкие скорлупки длинными рядами, сцепившись нос к корме, против лидеров натягивали поперёк бухт сети, но... Но рейдеры проскакивали над сетями, рыбацкие скорлупки даже не расстреливали, давили и топили просто форштевнями, а жителей Угольных Островов уже просто за людей не считали.

И вот тут появлялись эскадры Бена Боу, собранные по размеру судов и их системам вооружения: самые защищённые и вооружённые встречали вражеские суда грудью на дальних подходах, самые быстрые и зубастые наскakивали с боков и рвали строй врага, уничтожая те суда, которые могли, самые грузоподъёмные несли не только запас боекомплекта, но ещё и ракетные, и торпедные пусковые, а кое-кто и артиллерию, и издалека заливали вражеские корабли, нацелившись на берег, морем огня и смерти. И в результате, когда потери Полуостровных превысили половину имеющегося тоннажа флота, главной целью их стали уже не острова с мирными жителями, а именно Чёрный Флот, обеспечивший совсем уж неприличные цифры соотношения потерь сторон.

К тому времени на Славном уже стоял мощный гарнизон, которым руководил заместитель Бена Боу, артиллерист по фамилии Царёв с позывным Конан и прозвищем Конан-Варвар, не очень высокого роста, но очень уж гориллоподобной фигурой. Он правильно расставил сектора огня и в нужных местах выставил манки-мишени, и Чёрный Флот пополнял свои потери в судах теми, которые, по-

гнавшись за манками, но избегая обстрелов Конана, тупо с разбегу садились на мели. Тут-то вступала в действие вторая хитрость, уже Бена Боу: он породил абордажные команды. И абордажники лавовым потоком врываются на палубы врага, сея огонь и смерть.

Вообще со знаниями на Поляризе было всё хорошо, но вот с технологиями очень по-разному. Ведь мало знать, что сделать, ещё нужно знать, как сделать из имеющегося сырья и с наименьшими затратами. В результате... В результате паровые двигатели, хоть и оставались одними из самых востребованных в экономике планеты, практически сразу пролетели мимо контуров двойного расширения, рванув в тройное. А тут уже работал пиролиз, и лучшим применением для пиролиза — и всего парового хозяйства — оказался сплав паровика с дизелем: паровик выполнял функции топливного насоса и турбины, разогревал солярку до эффективных температур, распылял через форсунки уже не воздухом, а горячей дизель-пиролизной смесью. В результате и обороты, и мощность вторичного дизельного двигателя возрастали многократно, а значит, уменьшались и размеры, и металлоёмкость двигателя, а значит, и вес. И платить за все эти «вкусняшки» необходимостью тройного питания (дешёвым углём, дистиллированной водой и пока ещё дорогой соляркой) и необходимостью перед запуском дизеля запустить паровик, а значит, перед началом движения держать его под парами, оказалось экономически более эффективно. Тем более, что железа на Поляризе оказалось не в пример меньше, чем на легендарной никому не известной Земле, а цветных металлов много больше. И вот этих цветных металлов очень много было с другой стороны от Славного в Архипелаге, на Мэриленде, втором по размеру,

после Острова. Что, естественно, не могло не влиять на всю экономику как Полуостровной Олигархии, так и всего Северного континента.

Бен Боу усиливал подготовку бойцов и кораблей, укреплял вертикаль власти, добиваясь максимально быстрого и абсолютно точного исполнения приказов, и до определённого времени это приносило успех. Даже надежды на помощь Метрополии в какой-то момент стали вроде как и не нужны: Чёрный Флот, мстя за уничтоженные поселения, за погибших мирных жителей, за павших боевых товарищей и погибшие суда, достаточно успешно уполовинил весь военно-морской флот Олигархии. Но потом случился Мэриленд: враг напал оттуда, откуда не ждали, напал без предварительного обстрела, высадил огромнейший, никогда до этого невиданный десант ночью, вышел из бухты и расстреливал огневые точки и центры сопротивления просто с моря, по прямой наводке десанта. И сразу же в захваченной местности укреплялся, даже грабёж и казни мирных жителей отодвинули на потом. Бен Боу рванулся на помощь, освобождать Мэриленд — и попал в ловушку, в мясорубку. Потери были страшными, и в людях, и в кораблях. Остров остался за Олигархией.

И после этого он мотался со своим флотом между островами из конца в конец Угольного архипелага, но почти никогда не успевал. Враги поменяли тактику: пока «Чёрный Флот» бодался за Мэриленд, нацисты захватили Доброземье на совсем другом краю Архипелага. Ополченцы сражались стойко и мужественно, даже погибая, забирали с собой от десятка жизней и кораблей противника, но ресурсы Олигархии казались неистощимыми. Любая попытка собрать кулак, обеспечить хоть где-то себе перевес сил заканчивалась тем, что враг бил в совсем противопо-

ложном месте, и Адмирал опять не успевал. Он надеялся на людей, на их стойкость и отвагу, отвёл кулак флота для пополнения и ремонта, и в этот момент прекрасно укреплённую и вооружённую Артемиду практически без боя сдали противнику, сдали, мотивируя тем, что из-за страшной засухи пересохла родники. Воды им, мать их за ногу, видишь, не хватило! Посреди моря — и вдруг этим трусам не хватило воды! Бэн Боу терял веру в суда, в людей, в самого себя. И, самое страшное, он терял последнюю надежду, ту самую веру в Метрополию, в то, что она придёт на выручку, как пришла тогда на Фему, просто прогнав после референдума по пескам намываемой косы огромный контингент войск.

А тем временем после долгой, продолжительной осады пал остров Славный. Конан-Варвар с неполными тремя тысячами ополченцев сумел отступить, эвакуироваться на рыбацких лодках, на плотках или даже просто вплавь, но Адмирал даже разбираться не стал. Ему нужен был виноватый, он искал козла отпущения. Он опять чувствовал, что не успевает, и всюду подозревал измену. Он перестал снимать одежду, а потом и бронежилет, когда ложился спать, он спал в разных каютах, забираясь то под стол, то на багажную полку, он подозревал в предательстве всех и каждого, и в какой-то момент отдал приказ казнить Конана и покинуть Архипелаг, отводить флот в порты Метрополии. Хотя от Метрополии подтверждения — и даже надежды на то, что их в портах встретят не ракетами с торпедами, хотя бы пустят на рейд, — не было. И тогда ему просто набили морду.

Били его долго и жестоко, и первым, кто ударил, был Гарри Бес, капитан «Чёрного Пса». И рассыпался флот на несколько разных флотилий, и каждая флотилия начала действовать по собственному

усмотрению, координируясь и объединяясь время от времени, ради общих целей, в флотские группы. И только так, рассредотачиваясь и собираясь заново, действуя по собственной инициативе, а не по общему приказу Адмирала, смогли тогда, восемь лет назад, победить.

Но Бена Боу с ними тогда уже не было. Двое суток в «ящике», пока не дошли до берега, потом неделю в карцере гарнизонной гауптвахты, а потом — как ему и посейчас казалось, с позором — на экраноплан и в Метрополию. И суд офицерской чести...

Всю ночь сидел Вениамин Лучников в ресторане на верхней палубе, пил, курил, иногда что-то ел, и только к рассвету, вспомнив, что экраноплан швартуется около восьми, спустился в свою каюту. Но не уснул, просто лежал, глядя в никуда, опять вспоминая прошлое. Потом встряхнулся, принял душ, надел парадный мундир — мундир кавторанга, а не адмирала, опять щелчок по самолюбию! — собрал вещи, спрыснул мундир лавандовым одеколоном, себя мятным освежителем полости рта и потопал на выход, благо судно уже шло на брюхе и явно под управлением автоматики, то есть к пирсу.

И застрял в огромном месиве пассажиров, толпящихся возле выхода на верхнюю палубу. И вместе со всеми увидел бравурное лихачество штурмана, и вдруг показалось, узнал. Или это только примерещилось, что вот этот лощёный весельчак и балагур когда-то штурманил на кораблях его флота?

А потом пирс, и спустили трап. И Лучников, как настоящий офицер, выйдя на палубу, остановился, пропуская вперёд себя женщин, детей и стариков. Потому всего, что происходило между Билли Бонсом и Пятым не слышал, точнее, услышал

какие-то отдельные визгливо выкрикиваемые слова только после того, как Билли убили. И опять «Чёрный Пёс», и опять перед глазами Гарри Бес, и кровь, много крови — в бою на флоте так много крови сразу, как правило, не видишь. И утомлённый бессонницей, алкоголем и переживаниями организм Бена Боу не выдержал, вывернул всё содержимое желудка прямо на новый мундир.

Он, конечно, попытался привести себя в порядок, благо, палуба загруженного экраноплана находилась совсем недалеко от воды, но появившаяся на ровном киле у пирса бортовая качка, которой так не хватало вчера, только усугубляли страдания уже престарелого флотоводца, и его выворачивало снова и снова, сначала соками, а потом пеной и желчью.

Тем временем корабль разгрузился, палуба поднялась над водой больше, чем на метр, и достать воду, даже лёжа на палубе, стало невозможно. Кавторанг, пошатываясь, встал, попробовал собрать всего себя в кулак, ступил на трап — и опять не прозвучало привычно ожидаемое «смирно! на караул!» — ступил на берег и вот в таком непрезентабельном виде был встречен Ларисой Валерьевной Кидушкиной, той самой таможенницей, которую, собственно, проверить он и приехал. Лучникова неприятно поразило то, что такая молодая, но уже старший таможенник третьего ранга, то есть, переводя на флотский, каплей, всего на две ступеньки младше его кавторанга.

Лариса Валерьевна состоянием и внешним видом проверяющего лица, мягко говоря, не вдохновилась. Да и сам Вениамин Игоревич прекрасно понимал почему: пьян и похмелен он был, как мичман после берега при первой получке, а мундир выглядел, мягко говоря, как у гардемарина наутро после обмывания выпускного в училище, впо-

ру содержимым трусов интересоваться. Да и запах от него был, мягко говоря, не амбре лаванды с мятой. Потому на смятый и мямлящий спич кавторанга Лучникова Лариса Валерьевна отреагировала поджатыми губами и прячущейся в глазах брезгливой улыбкой, на требование передать все материалы по делу для проверки тут же вручила достаточно пухлую папку, а за фигурантами, по её словам, предстояло ехать из ах-Тиары в бобо-Клёва.

Вениамин Игоревич тут же попытался засунуть переданную папку в походный защитный автокофр на радиоповодке, но кофр тут же радостно замыкал, мол, ты, хозяин, алкаш и лох, оставил меня в каюте включённым, но не заряжал, а сам весь день и ночь пьянствовал, вот мои аккумуляторы жрать и хотят! Может, выключиться, может, ну его ехать-защищать-работать, или покорми?

Тут уж Лариса Валерьевна не смогла сдержать ехидной улыбки, и эта улыбка взбеленила Бэна Боу окончательно. И, вместо того, чтобы пойти вслед за приглашавшей на стоянку и остановку автобусов Кидушкиной, скомандовал «следуйте за мной, это приказ!», решительно направился на пристань пригородных катеров. Ума хватило выбрать «Стрелу» на антикрыле, не килевой катер с бортовой качкой. Заплатил за два билета до бобо-Клёва и удалился в мужскую комнату, где смог, наконец-то, снять мундир и привести его хоть в какое-то непозорное состояние, хотя бы просто холодной водой. А потом весь путь до бухты стоял на верхней палубе, на балконе позади мостика, дышал свежим морским воздухом и водяной пылью. Самому Бену Боу от этого действительно полегчало, но вот мундиру и вообще всему внешнему виду — явно нет. Потому через полтора часа Лучников ступил на берег в виде жёваного бомжа: вполне пристой-

ный по качеству ткани мундир производил впечатление, как будто в нём ели, спали, дрались и купались минимум пару недель.

После того, как они ступили с трапа на берег, Лариса Валерьевна не выдержала:

— Господин капитан второго ранга, разрешите обратиться?

Удивлённый Лучников только брови приподнял:

— Обращайтесь, Лариса Валерьевна, но зачем так официально?

— Главный фигурант нашего дела, Кидушкин Валерий Венедиктович, владеет трактиром «Принцесса»; если следовать по проспекту Свободы, это второй поворот направо, на улицу Писателей, и вверх, трактир видно даже отсюда. Вот он — и острый тонкий пальчик указал прямо на гору над головой Лучникова.

— Как Вы сказали, Валерий Венедиктович? И тоже Кидушкин?

— Так точно, это мой отец!

— Отец!!! — от возмущения у Лучникова аж дыхание перехватило. Он ведь такого и предположить не мог! Запахло заговором! Заговором против Острова! Подумать только, не просто семейственность, но ещё и сговор, ещё и служебный подлог, да тут явное использование служебного положения в преступных целях.

— Так точно. Разрешите мне отправиться обратно, в ах-Тиару, где у меня служебный автомобиль на платной стоянке?

И тут Лучникову стало стыдно. Ведь неизвестно точно, из каких побуждений эта девчонка, Лариса Валерьевна, совершила то, что совершила; но он-то, он сам — какое он право имел отдавать приказ, не зная всех обстоятельств? За чем он шёл сюда на катере, даже на «Стреле», тра-

тил целых полтора часа, если на автомобиле они успели бы максимум за час, а то и вообще минут за тридцать-сорок? Он опять исходил из совсем неверных посылок, которые, не стоит врать самому себе, он просто выдумал, неверно представил исходя из очень неполного набора данных, и в результате просто задавил малолетнюю таможенницу своим авторитетом. Как и тогда, восемь лет назад, опять совершил всё ту же ошибку, переоценивая себя и преступно недооценивая окружающих. Что, самый умный тут, да?

— Благодарю за службу! Можете быть свободны, я сам найду Вас, когда Ваши услуги потребуются! — отдал честь, развернулся и пошёл чуть ли не строевым. За ним споро побежал автокофр, но тут же заквакал-заплакал, громко, на всю пристань жалуясь на разряженный аккумулятор: пришлось убавить шаг до простого прогулочного.

На конфликт кавторанга и его автокофра заоборачивались-заозирались зеваки, у Вениамина Игоревича даже уши покраснели. Старший таможенник третьего ранга ещё раз, в спину смерила взглядом смущённого Адмирала, ухмыльнулась с каким-то извиняющим превосходством, щелчком сбросила с мундира невидимую пылинку и пошла обратно к «Стреле», пока та не успела убрать сходни.

А Лучников уже тащился в гору по улице Писателей. На полпути кваканье автокофра стало непеносимым, и кавторангу пришлось разбираться с управлением капризного гаджета, чтоб заткнуть ему громкость. А за сто метров до трактира — он уже различал через высокую кованую заборную решётку между кирпичными колоннами кусты китайской акации и фигуры людей между ними — аккумулятор окончательно сдох, и Бен Боу был

вынужден на самом крутом подъёме схватить расстрепроклятый железный чемодан в охапку и волочь его руками, прижав к себе, не зная, как выпустить из его механизма ручки для переноски.

До самой решётки он добрался уже сипя, как загнанная лошадь. С раскрасневшегося лица ручьём тёк пот, руки от веса предательского девайса дрожали, ноги подгибались, потому он выронил разряженную железяку на газон, и схватился за прутья решётки руками, стараясь хоть чуть-чуть унять сердцебиение, успокоить дыхание, привести своё многострадальное тело в чувство.

И увидел. Первого, которого он увидел, он опознал практически сразу, но очень долго вспоминал, как же его зовут. Это был тот невероятный, непонятный гражданский, мудрёный засушенный букварь, умница и головастый учёный, которого все так хотели видеть штурманом флотилии, но он упорно просился в абордажники. Его худое, нескладное тело с длинными руками и маленькими ладошками, не державшими в руках ничего тяжелее ручки и мела, запомнилось Бену Боу ещё тогда, восемь лет назад. И то, как он горбился, сутуля совсем неширокие плечи, выпячивая длинный кадык, и прятал свои нескладные ладони между колен, но на все доводы отвечал лишь одно: «нет, только в абордажную команду». И как он, рассвирепев, отдал его в команду «Испаньоль», к Мэри Ред, Кровавой Мэри, такой же помещанной на мести: если у этого букваря семью расстреляли градами, то над Мэри надругались на капоте их семейного автомобиля, за рулём которого сидел труп её мужа, а потом на её же глазах зарезали их детей. А саму Мэри недострелили.

Он ещё прикидывался хромым: вместо костыля носил снайперскую винтовку с удлинённым ство-

лом, а согнутую ногу опирал на многоствольный пулемёт с ленточной подачей патронов...

«Он — Кидушкин? Эта Лариса Валерьевна — его дочь? Выжившая? Тогда же трупы из развалин доставали сотнями и тысячами! Она не может быть новой дочерью, ей явно больше двадцати, восемь лет назад ведь дело было!..» — так лихорадочно думал Бен Боу, уже понимая, что даже если это сговор, служебный подлог и использование служебного положения в личных целях, против такого сговора лично он ничего не сделает! Хотя бы потому, что мотивы ясны, понятны и даже, не скрипя ни душой, ни совестью, благородны: ради мести он бы и сам бы чего-нибудь «двойного назначения» у той же Метрополии отжал с удовольствием! Даже сейчас, хоть она этого и не позволяет, хоть он сам должен это контролировать. Потому что на благо Острова, другого от букваря он не ждал.

И тут бывший абордажник «Испаньолы» шагнул в сторону, и Лучников увидел ряд людей в одинаковой форме цвета тёмной оливы. Помимо явно рядового состава в количестве штатного отделения спецназа, семи человек, стояли трое офицеров. И одного из них, с шевроном каплея, он не далее месяца назад видел в адмиралтействе Метрополии в чёрном мундире флотского контр-адмирала, а другого, старлей — в тёмно-синем мундире жандармского полковника. И у Лучникова пересохло и запершило в горле: в такие игры с разведкой и контрразведкой не решалось играть даже его начальство, всесильная войсковая прокуратура. Если здесь запахло этими, то любое вмешательство вполне может сорвать годами готовящиеся планы операций, а людей, рискующих жизнью, в том числе находящихся по ту сторону линии фронта, погибнуть могут многие тысячи...

А старлей, полковник контрразведки, лысый, краснолицый, с синюшными венами на лице и руках, как раз говорил:

— ...для исполнения полученного задания ваше отделение поступает в команду Ивана Евгеньевича, вы поработаете грузчиками на погрузке угля и уйдёте с ним в Олигархию, где Иван Евгеньевич высадит всех вас по тем координатам, которые вы ему сообщите. За успех этой части операции Иван Евгеньевич отвечает лично, а за него головой ручается наш хозяин, правда, Валерий Венедиктович? — и сбоку, из-за куста, царственно выкатился большой такой хромой шарик...

И этому человеку Бен Боу точно ничего не мог бы ни сказать, ни сделать. Он — да и не только он один, вся его команда — были обязаны этому человеку жизнью. Билли Кид, он же Бен Ганн, он же Бенья Пушкин, бесменный капитан «Чёрного Принца», шкипер рыболовного траулера, расстрелянного фрегатом Полуостровных «Принц», взявшим в плен всю команду рыбака. А ночью рыбаки выбрались из камеры и вырезали весь экипаж фрегата, и справились с управлением, и пришли на нём в порт Острова, и даже по пути умудрились отправить на дно ещё три по судины Олигархии размером поменьше. Он тогда, на Лутугинских, когда Бен Боу посадил решето «Чернославии» на мель и всем своим экипажем высадился на длинную и узкую песчаную косу, зарываясь в песок от кинжального огня из бетонированных укреплений, он ведь единственный тогда рискнул подойти на дистанцию залпа прямой наводкой, большую часть из укреплений Полуостровных смешал с песком, а оставшееся заставил замолчать, и за те краткие минуты, пока нацисты не опомнились, не спохватились, высадил

на ту же косу десант, и сам его возглавил, и лично тащил израненного Лучникова, и прикрывал своим телом, и остался без ноги, без глаза и без пальцев руки...

Да, победителей не судят, а он, вопреки здравому смыслу, доводам рассудка и прямому приказу Адмирала, это сделал: высадился и спас. И, как оказалось, до сих пор не вышел в тираж, а в игре; не погиб и не закил на берегу, но даже сейчас, хоть и владелец таверны, но дерзко и нахально «дела варит»: вон какие метропольские акулы вокруг него вьются, вон в каких делах он помогает, за что головой своей ручается — подумать страшно. И так же, как тогда, на косе Лутугинских, гордо вздёрнутый подбородок, царственный взгляд из-под бровей прямо в душу, он ведь ещё тогда понял, почувствовал: это не Билли Кид капитан «Чёрного Принца», это Бенья Пушкин и есть тот самый Принц, а фрегат, команда, весь флот, да и он сам, Адмирал Бен Боу — они все как бы антураж, свита, дополнение к этому Принцу войны, Чёрному Принцу мести...

«Так кто настоящий герой и достойный адмиральских почестей, ты, выскочивший на гребне давних событий, первым рискнувший, решившийся, бывший третий помощник капитана «Славно-го», а потом сдавшийся, сдувшийся под грузом суеты текучки событий; или вот этот такой незаметный, но такой незаменимый бывший рыбак, капитан погибшего паро-дизельного фрегата, и сейчас нужный для асов разведки и контрразведки? Кто из нас двоих настоящий адмирал? Признайся честно, ведь явно не ты, верно?» — и, плача, Лучников уселся на свой осточертевший кофр, и прохрипел через ещё не восстановившееся дыхание:

— Вот... тебе... и адмирал... Бен Боу...

— Что, служивый, здоровье поправить надо? В трактир «Адмирал Бен Боу» надо? Так это не сюда, это «Принцесса», она не для простого люда с похмелья! Хочешь, за соточку горькой проведу?

Перед ним яростно ухмылялся явный прощельга отчасти деревенского вида, но с давно заметными следами хронического алкоголизма, а это уже городская, а не деревенская черта. Лучников оценил габариты говорившего и понял, что в нынешнем своём состоянии он этому прощельге не соперник. Нет, руки у алкаша явно трясутся, но ведь и он не в лучшей форме, а значит, нужно как-то договариваться.

— Да у меня, видишь, железный дурак разрядился. А деньги в нём, и без зарядки я и сам заплатить не смогу.

— А, автокофр? Ух ты, модель-то новая! Ничего, Игорь Евгеньич в долг зарядиться даст, он, хоть и пацан, но уже голова, своего не упустит! Помочь тебе дотащиться с ним до «Адмирала Бен Боу»?

И «настоящий» Адмирал, поражённый тем фактом, что ему до «Адмирала Бен Боу», то есть до себя самого, ещё нужно куда-то «тащиться», только кивнул головой.

А прощельга как-то очень ловко тут прижал, там потянул, и из кофра выдвинулась такая удобная длинная ручка. А потом что-то где-то придавил, потом одно колесо провернул, и тяжёлый железный дурак стал вполне себе удобной тележкой, которую можно тащить или толкать, даже особо не напрягаясь. И потянулся помочь Лучникову встать.

Лучников встал сам, но сразу пошатнулся, и прощельга взял его под локоть. Так они и потащились по тропинке, по бездорожью, вдоль по гребню от одной невысокой, но обрывистой горы, до другой, потом до третьей, и уже за перегибом после вершины третьей открылся вид на приземистый дом

с колоннами и островерхой крышей, стоящий в самом конце поднимающейся от порта лестницы из гигантских каменных плит, но вначале разбегающихся во все стороны горных тропинок. Над дверью трактира полукругом располагалась надпись «Адмирал Бен Боу», а ниже, над притолокой и под вывеской, был нарисован поблеклый портрет, в котором с некоторым удивлением Лучников узнал самого себя, правда, на себя не очень похожего. Уж очень его вид был героическим, да и подозрительной трубой он никогда в жизни не пользовался, предпочитал биннокли и стереотрубу.

А потом он вошёл вслед за неожиданным чичероне в дверь и остолбенел. Потому что напротив него, вытаращив глаза и открыв от удивления рот, стоял один-в-один его детский дружок из соседнего двора, Женька Крюков. Только было этому Женьке от силы шестнадцать, а Вениамину Игоревичу уже хорошо за сорок...

* * *

И в этот момент в верхней хозяйской спальне умер папа, Евгений Васильевич Крюков...

И сразу всем стало не до всего: наверху заголосили мама и обе тётки-приживалки, часть посетителей таверны кинулись наверх, помочь, а больше поглазеть, другая, более бомжеватая, сразу кинулась из дверей таверны, причём многие старались под шумок утащить посуду; прощельга, привёвший Лучникова в таверну, кинулся по столам допивать брошенные рюмки и чарки (но автокофр воткнуть на зарядку таки не забыл), Игорь Евгеньевич только дёргался, не зная куда бежать и что делать. Пришлось Лучникову брать дело в свои руки.

Окрик, команды, распоряжения, чувствительный толчок в лоб, чтоб выбить истерику — в де-

сять секунд порядок был наведён. Повар, вёрткий, но немаленький детина, стал на дверях в качестве вышибалы, две немолодых уже официантки собирали посуду и получали оплату, Игорь Крюков, чтоб успокоился и взял себя в руки, был отправлен завешивать зеркала по всему дому. Тут и прибыли вызванные браслетом здоровья покойного коронёры, полиция и парамедики. Быстрая проверка документов, освидетельствование места смерти, неотложная помощь потерявшей сознание вдове, документы на подпись главному наследнику, Игорю Евгеньевичу — всё проходило штатно и гладко, пока не появился внештатный, но обязательный в коронёрской службе персонаж, представитель ритуального агентства. И после первых его слов про похороны, ведь по религиозным традициям всех народов Поляриса, покойника нужно было отпеть и похоронить до захода Светила, весь кошмар случившегося нахлынул снова и разом: маме опять кололи уколы и давали нюхать нашатырь, а Игорь просто сполз спиной по барной стойке на пол и расплакался. И опять только незнакомый кавторанг, так сильно похожий на портрет Адмирала, справлялся с проблемами и разглатывал ситуации.

Он откуда-то знал, что папа — верующий Загорийской ветви Православия, самой близкой к мусульманству, а потому сумел выбрать нужного попа из предложенного списка, нужный гроб, нужные венки, всё это заказал и внёс предоплату. Он же направлял всех нотариусов и адвокатов, тут же, как вороньё на поживу, затрезвонивших на коммуникаторы Игоря и мамы, по одному ему известным адресам, но с такими формулировками, что звонившие внимали с уважением и придыханием, но потом не перезванивали. А потом он позвонил куда-то, долго представлялся и искал кого-то, и через пол-

часа после звонка вдруг появился флотский почётный караул, и медики, и интенданты; и все занялись и подготовкой папиного тела, и уборкой в трактире, и организацией такого непростого и хлопотного дела, как тризна...

А потом, на закате дня, два священника — один от ритуального агентства, другой от флота — двинулись впереди процессии, оглашая вечерний штить церковными песнопениями, вслед за ними по узкой тропинке к ближайшей деревенской церкви Загорийского Православия шестеро дюжих гардемарин на цепях несли гроб с папой — гроб был велик для папиного безногого тела, а протезы почему-то не хотели держаться на культях трупа, соскакивали, потому тело сползало и его приходилось время от времени поправлять. Вслед за крышкой гроба кавторанг вёл всё ещё рыдающую маму, потом две тётки-приживалки, а след в след за ними взвод почётного караула с приспущенными знамёнами Острова, Флота и почему-то Метрополии, и только потом толпа друзей, поминальщиков и просто зевак.

И похоронили папу не просто на погосте, а в приделе церкви, и говорили очень неожиданные и пафосные, героические речи, и вручили — уже Игорю, а не папе — как оказалось, уже восемь лет причитающиеся ему ордена, целых два высших: Пурпурную Звезду и Бриллиантовое Сердце. И были три залпа, и гроб накрыли знамёнами, и была мраморная стела, и слова, слова, слова... И непонятный кавторанг говорил — Игорь услышал, как распорядитель от флота спрашивал, как его представлять, адмиралом или кавторангом, и этот непонятный ответил «кавторангом Лучниковым», — и, говоря, не смог сдержать рыданий, не смог закончить свою речь. Почему — непонятно, ведь Игорь и мама видели его в первый раз.

А потом, на поминальной тризне, кавторанг сидел рядом с Игорем, сам смешивал ему напитки, сам подливал, сам вёл всю тризну. И под утро, когда поднабравшиеся гости уже расходились, уснувший под вонючей мышкой этого непонятного дядьки Игорь вдруг проснулся, то он услышал, как кавторанг, салютуя неразбавленным джином неизвестно кому, приговаривал «Всё прошло... Всё прошло и только начинается! Джим Хокинз умер! Да здравствует Генри Джим Хокинз Второй! Спи сынок, спи, родной, всё будет хорошо, Адмирал об этом побеспокоится...»

* * *

Так военная прокуратура потеряла лучшего за всю её историю эксперта в вопросах военного снабжения, дело о незаконном приобретении оборудования двойного назначения рассыпалось, Адмирал Бен Боу канул в историческую лету, куда-то между былинными героями и персонажами исторических анекдотов, а неприкаянный кавторанг Вениамин Игоревич Лучников обрёл-таки настоящую, человеческую цель собственной жизни, а со временем, женившись на вдове Евгения Крюкова, и семью, и сына, и трактир собственного имени. Да и весь Полярис обрёл первого своего космонавта, хулигана-пилота, того, кто на новом сверхдальнем истребителе-разведчике смог набрать первую космическую, одолеть оковы планетарного притяжения и выйти на орбиту, в открытый космос, и совершил первый полный оборот вокруг Поляриса — Генри Джима Хокинза Второго с позывным «Юнга». Но до этого ещё лет и лет... **У**

(Продолжение следует)

Разуму вопреки

Игорь Туманов (псевдоним)

Родился 28 июля 1993 года в городе Санкт-Петербурге. В 2015 году окончил университет по специальности «Журналистика». С 2015 по 2016 год проходил военную службу по призыву в Красном селе. Работал в пресс-службах государственных структур. На данный момент занимается видеомонтажом на фрилансе. Ведёт небольшой блог, в котором рассказывает о компьютерных играх и игровой индустрии. Осенью 2020 года участвовал в литературном конкурсе «Колфан» с рассказом «Разуму вопреки», но не прошёл во второй тур. Нигде ранее не публиковался.

Шестнадцатый

В каюте опять нестерпимо душно, через открытый иллюминатор внутрь попадает ещё больше раскалённого воздуха. Узкая койка издаёт противный скрип, когда я пытаюсь подняться. Голова слегка кружится.

— Ари! Ари, ты там? — раздаётся громкий голос снаружи.

— Да здесь я, чёрт возьми. Не надо так орать!

Я протираю глаза. Термометр на стене справа у зеркала показывает +35 градусов. Уже не так жарко, видимо день близится к вечеру. Снаружи слышны шаги по палубе. В дверном проёме показывается Мако — древний старик, в два раза старше меня, ему уже давно перевалило за сто двадцать лет. Кожа на лице сухая, морщинистая, голова обмотана куфией, правый глаз белый, безжизненный, через него идёт огромный шрам от середины лба до скулы. Мако носит традиционную белую галабею и длинную, до самого пола, рубаху с широкими рукавами.

— Сколько сейчас времени? — спрашиваю я, потягиваясь.

— Почти 49 часов дня, скоро уже ночь, — отвечает он, глядя на циферблат. — Пойдём. У меня есть для тебя и твоей баржи работа.

— Мако, я сто раз тебе говорила, что это галея, а не баржа.

— У галеи были вёсла, пушки и вмещала она до 500 человек. А у тебя только два гарпуна, — огрызается Мако, выходя из каюты.

Я следую за ним, на ходу облачаясь в лёгкие штаны. Мы выходим в небольшой кампус, а оттуда на палубу. Отчасти, старик прав и галеей моё судно можно назвать с трудом.

— Ты-то откуда знаешь, как выглядела раньше галея? — саркастично спрашиваю я.

— Дорогуша, я забыл больше, чем ты когда-либо узнаешь. А учитывая, что нам осталось на этой планете не так долго, твои шансы достичь моего уровня познания стремятся к нулю.

Мако ловко спрыгивает с палубы прямо на площадку для моего судна. Думаю, на вид Предки дали бы ему лет шестьдесят, хотя столько стукнуло недавно мне, да и продолжительность жизни у нас почти вдвое больше, чем была у них. Мако — крайне резвый старикашка и не зря был вождём местного Оазиса 16.

— Есть какие-то новости?

Теперь уже я спрыгиваю вниз, заправляю грязно-жёлтую майку в штаны и осматриваю своё судно: двигатели обратной гравитации выключены, моя галера аккуратно «припаркована» на площадке, металлическая поверхность покоцана частичками песка за тридцать с лишним лет хождения по дюнам и холмам, а название на борту — «Спирит» — практически стёрлось.

— Оазис 3 накрыла песчаная буря. Мне передали, что эти чудики даже успели запустить ракету с новым спутником. Вот уж интересно, как они смогли её вообще собрать из песка и воды. — Мако едко смеётся. — Большинству удалось уйти ещё за несколько часов до начала вместе с караваном к Седьмому, но некоторые не успели. Ты и сама знаешь, как это бывает, — он добавляет последнюю фразу шёпотом, смотря на меня виноватым взглядом.

Я действительно знаю, что такое песчаные бури. В детстве я жила в Оазисе 1, на другом полушарии. Из всех городов, только у нас было три работающих судна, собранных из остатков космического корабля Предков. Иногда мне снится, как я бегу по Оазису вместе с каким-то человеком — черты

его лица всегда размыты, помню лишь рыжую бороду и сверкающие зелёные глаза — прямо к докам, где стоят галеи. На подходе к ним мы останавливаемся и кого-то ждём. Человек объясняет, что он должен вернуться и сделать всё, как было. Вдруг солнце заволакивает песком, я натягиваю себе на рот и нос платок, но теряю из вида незнакомца. Ветер настолько усиливается, что меня сбивает с ног. Я пролетаю несколько метров и падаю рядом со «Спиритом». Две другие галеи поднимаются в воздух, кренятся и разбиваются о металлическую обшивку ближайшего строения. Я прыгиваю на судно, включаю двигатели, убираю якорь и даю полный вперёд. Корабль несётся, но задевает скалы. Несколько раз меня подбрасывает в кабине. В конце концов я ударилась головой о потолок и отключилась, а через несколько дней меня нашёл караван, идущий к Оазису 16. Так я и оказалась рядом с Мако.

Я киваю ему в ответ. Хотя запуск спутника заставляет меня задуматься. Я знаю, что в Оазисе 3 осталось много одарённых людей, и они всегда держались обособленно от других городов, но собрать настоящую ракету? Не поверю, пока не увижу.

Мы доходим по тропе до шлюза купола, который защищает оазис от бури, жары днём и холода ночью. Диаметр купола чуть больше километра и высота метров сто. Внутри вполне комфортная атмосфера: легкие не выжигает раскалённый воздух, нет сильных ветров, практически нет песка. Шестнадцатый остался одним из самых крупных оазисов на планете с населением около пяти сот человек. В шлюзе нас обдувает сильными порывами воздуха, очищая от песка. После продолжительного звукового сигнала Мако открывает вторую дверь, и мы заходим внутрь города.

— Так что тебе надо? — спрашиваю я, пока мы идём по каменной дорожке через рынок.

Под конец дневной части суток тут обычно много народа. Люди обмениваются необходимыми товарами. У некоторых прилавков царит хаос, шумно. Пока мы идём сквозь толпу, многие со мной здороваются, поднимая согнутую левую руку над головой в приветственном жесте, предлагают поделить свою порцией воды, но я вежливо отказываю. Некоторых из них я знаю по именам, некоторых лишь в лицо, а большинство мне и вовсе не знакомо. Я прожужу в городе не так много времени.

— Поскольку караван с Третьего перебрался в Седьмой, им потребуется больше провизии. — Мако останавливается у большого амбара, где хранились излишки продовольствия, которых у нас время от времени оставалось достаточно. — Я уже распорядился, чтобы подготовили пять бочек воды, четыре морозильных контейнера с мясом, а также несколько десятков килограмм овощей, фруктов, муки и специй. Нужно, чтобы ты и твоя баржа доставили это на Седьмой как можно скорее.

— Галея... — процеживаю я сквозь зубы так, чтобы Мако не слышал. — Скоро ночь, придется идти на парусе, а то не хватит энергии. Часов за пять-шесть справлюсь. Надеюсь, обойдется без бури, — последнюю фразу я уже больше адресуя себе.

— Замечательно. В течение часа все контейнеры будут у тебя в трюме. Отправляйся как можно скорее. И, Ари, чуть не забыл! — окликает он меня, когда я уже собираюсь уходить. — Когда доберёшься до Седьмого, поговори с их вождём — Гвинеей. Она передавала, что для тебя есть работа.

— Ещё работа? — недоверчиво переспрашиваю я.

— Она сказала, что это очень важно.

Я хмуро киваю в ответ и иду на рынок пополнить свои запасы.

Эндгейм

Я запускаю двигатели обратной гравитации. Галея медленно поднимается над площадкой. Последнии грузчики спрыгивают с палубы и жестом показывают мне, что весь товар в трюме и можно отправляться. Я включаю маневровые и разворачиваюсь на восток-северо-восток. Судно скрипит металлом, словно древнее животное. Ускорение на пульте управления выставлено на 10%, и корабль не спеша начинает двигаться вперёд, постепенно набирая необходимую скорость в 6 узлов. На двигателях я могла бы разогнаться и быстрее, вплоть до 20, но уже стемнело. Следующие 52 часа на этой части планеты будет ночь, а значит солнечные батареи не смогут питать двигатели. Я даю команду, и искусственный интеллект «Спирита» сам устанавливает все нужные параметры на основе моей скорости и силы ветра. Прозрачный парус принимает необходимое положение, и я отключаю ускорители. Двигатели продолжают работать, чтобы поддержать судно на плаву.

Я спускаюсь с мостика на палубу и кладу руки на борт. Песчинки эффектно разлетаются в стороны, словно волны, стучат по борту и стёклам на мостике. Я натягиваю платок и защитные очки.

Ландшафт постоянно меняется: то равнины, то дюны, иногда мимо меня проплывают скалы. Ориентироваться в пустыне очень трудно. Рельеф не сохраняется долго. Песок перемещается с места на место, и где вчера было плато, сегодня уже холм. ИИ судна сверяет положение со звездами. Лишь они остались нашей константой после того,

как почти все искусственные спутники планеты вышли из строя.

Но ярче всего на небе выделяются не звезды, а кротовый маяк, удалённый на несколько миллионов километров от планеты. Маяк для населения — символ утраченной надежды. Эта технология должна была помогать человечеству покорять галактику, но завела наших Предков на полумёртвую планету, которую они окрестили Эндгеймом, а звезда получила имя Тая. Хотелось бы мне знать, как высокоразвитая цивилизация попала в такой просак? Почему никто не прибыл выручать наших Предков, ведь они наверняка поняли, что корабль колонистов пропал? Но я этого никогда не узнаю, ведь мы не способны сделать ничего даже близко похожего на космический корабль, чтобы добраться до маяка. А значит он — утраченная надежда. Такой близкий, виден невооружённым глазом, вот он — изредка мигает красным светом, но до него нет никакой возможности добраться.

У нас всё меньше шансов на выживание. Генераторы окружающей среды в оазисах постепенно вырабатывают свой ресурс, связь между городами обеспечивают караваны, а из множества искусственных спутников исправными остаются только два. Ближайшие города могут связываться друг с другом, когда они находятся в радиусе действия. Это же касается и моей галеи — несколько раз в день я могу отслеживать своё местоположение, проверять курс и получать сообщения. Ещё весточки и товары разносят караваны, но они могут идти неделями.

Тем удивительнее было услышать от Мако новость, что с Оазиса 3 запустили ракету со спутником. Слишком много вопросов. Из каких материалов они её построили? Где нашли топливо? Отку-

да они вообще знают, как строить ракету? Воистину, чудесен умирающий мир.

Из двадцати оазисов на Эндгейме осталось только восемь. Каждый с населением около пятисот человек. Возможно, этого достаточно, чтобы поддерживать популяцию, но какой в этом смысл, если вода когда-нибудь закончится?

Вопреки

Я прибываю к Оазису 7 около 6 часов ночи, останавливаясь на окраине. В городе тихо, большая часть населения спит. На Эндгейме свободный график отдыха.

ИИ «Спирита» заблаговременно убирает парус. На маневровых я доползаю до площадки, отключаю двигатели обратной гравитации и судно мягко опускается.

Оазис 7 имеет лишь одно заметное отличие от Шестнадцатого — отсутствие купола. Такой роскошью обладают три города: мой, Восемнадцатый и Двадцатый.

Я спрыгиваю с борта. Корпус «Спирита» ещё немного тёплый от долгого пути. Моя рука скользит по обшивке судна, словно по телу любимого домашнего зверька. Я иду в сторону города. «Спирит», как всегда, поставлен на якорь ближе к рынку, ведь обычно я перевожу товары. Изредка — людей. На базаре не многолюдно, больше продавцов, чем покупателей, но все они со мной тепло здороваются. Один из торговцев предлагает стакан воды, и я охотно соглашаюсь, а затем спрашиваю у него, где сейчас вождь. К моей удаче, она не спит и находится в центральном шатре.

Гвинея выходит ровно в тот момент, когда я приближаюсь к её дому. Женщина передо мной младше Мако лет на 30–40. Худощавая, высокая,

с длинными седыми волосами. Я предпочитаю ходить почти налысо. В пустыне роскошные локоны совершенно ни к чему. На Гвинее лёгкая белая рубашка и тёмные штаны, слегка утеплённые. По ночам на Эндгейме бывает холодно, особенно в оазисах, незащищённых от ветра куполом. Подходя ко мне, она поднимает согнутую левую руку над головой в приветственном жесте:

— Ари, здравствуй!

— Ахой! — отвечаю я. — Привезла вам подарки от Мако.

— Это замечательно. Он предупредил меня о твоём появлении пару часов назад. — Она мило улыбается. — Пойдём в шатёр, а то на улице прохладно.

Шатёр похож на огромную палатку из серого брезента. Толстая ткань с крышей в форме конуса. В центре установлена жердь, на которую крепится верхнее основание купола. По периметру ещё дюжина таких же опор чуть ниже. Внутри лишь небольшая кровать и кухня. Справа в круг выставлен десяток плетёных кресел, три из которых заняты неизвестными мне людьми. К ним и следует Гвинейя. Я несколько настораживаюсь, но иду за ней.

Вождь садится в ближайшее кресло и призывает меня последовать её примеру. Я повинуюсь и вглядываюсь в лица незнакомцев: девушка и два парня, всем троим не больше сорока. Красивая молодая особа со светлыми волосами до плеч слегка встревожена. Она изучающе смотрит на меня своими серыми глазами, немного прищурившись, ноги в укороченных штанах закинута одна на другую.

Молодой человек, сидящий напротив, скрестил руки на груди. Мощного телосложения, с круп-

ной челюстью и широким ртом. Он коротко подстрижен, а его глаза сверкают жёлтым цветом. Но из всей троицы он, кажется, старше всех.

Третий ёрзает на стуле, оглядывается по сторонам и изучает шатёр. Маленькие оттопыренные уши, довольно длинные для мужчины волосы, чёрные, зачёсанные назад. Такие же чёрные глаза, глубоко посаженные.

— Ари, эти люди хотели тебя видеть. Возможно, Мако сообщил тебе, — говорит Гвинейя, и я киваю в ответ. — Они пришли к нам из Оазиса 3, представившись учёными и сказав...

Я непроизвольно издаю смешок.

— Учёные? Серьёзно? А осталось что изучать? — Я не скрываю свой саркастичный тон, потому что не понимаю, что осталось интересного в умирающем мире.

— Мы не совсем учёные, — вступает девушка. — Не в привычном понимании. Трой, — она указывает на самого молодого с чёрными волосами парня, — занимается компьютерами. Раст, — старший, сидящий по центру, — отвечает за снабжение и, скажем так, силу. А я, Кэс, исследую всё, что находим. Мы, вроде как, археологи.

— Кто такие «орхиологи»? — Я поднимаю одну бровь в недоумении.

Девушка спокойно реагирует на мой вопрос, в то время как мужчины закатывают глаза. Белокурая при этом грозно на них посмотрела.

— Археологи, — подчеркивает она произношение. — Мы изучаем древности.

Кэс переглядывается со своими товарищами. Их лица серьёзные, свинцовые, мне даже становится неуютно, и я убираю усмешку с лица.

— Мы думаем, что кое-где на планете, — она медленно произносит каждое слово, — есть место, где

можно связаться с кротовым маяком и, в теории, отправить сообщение остальному человечеству.

Я взрываюсь хохотом. Меня так распирает от смеха, что я не могу остановиться, а живот начинает болеть. Археологи вполне спокойно воспринимают мою реакцию и сидят молча.

— Извините, — говорю я, с трудом сдерживая порывы засмеяться вновь. — И где же находится это место?

— Нам кажется, — отвечает девушка и делает короткую паузу, — что на «Полночи» — корабле Предков.

— «Полночь» разобрали на мелкие детали лет триста назад, а то и больше. От неё даже корпуса не осталось, скорее всего. Последние детали находятся внутри моей галеи.

— Галеи? — переспрашивает самый младший Трой.

— Это моё судно.

Разговор вновь перехватывает Кэс.

— Мы считаем, что «Полночь» разобрали далеко не полностью, и корабль находится в другом полушарии. А именно, — она вздыхает, — в Штормовом пятне.

— И что? — спрашиваю я, но уже понимаю, к чему она клонит.

— Мы надеемся, что вы могли бы доставить нас туда... — неуверенно произносит белокурая.

— Вы хоть знаете, почему это место называется Штормовым пятном?

— Из-за синхронного вращения. Эндгейм и его спутник, Сетх, всегда повернуты друг к другу одной стороной, пребывая во взаимном приливном захвате. И Сетх отбрасывает постоянную тень на поверхность планеты в той точке, — отвечает тот, что сидит посередине.

— Раст, я думаю она имела в виду не это, — едва слышно замечает Кэс.

— Да, Раст, я имела в виду не это. Я имела в виду, что там жуткая сейсмическая активность. Постоянные бури с сильнейшими ветрами и огромными волнами, а видимость может стремиться к нулю! И вы собираетесь туда отправиться?

— Возможно, это наша последняя надежда отправить сигнал...

— Кому? Кому отправить этот сигнал? Шестисот лет нас никто не искал! И с чего вы решили вообще, что Предки не отправляли его? За это время он наверняка бы до кого-нибудь дошёл!

— Мы должны попытаться! Мы смогли запустить новый спутник, может он...

— Нет! — Я уже кричу и пропускаю мимо ушей фразу о ракете. — Нет! Исключено! Чёрта с два! Чёрт! Я доставляю грузы из одного оазиса в другой, а не ищу изящный способ покончить с собой!

— Да, Ари, ты действительно доставляешь грузы из одного оазиса в другой. Ты наш самый быстрый способ помочь друг другу, — спокойным голосом парирует Гвинея, делает паузу, а уголки её рта изгибаются в улыбке. — Ты знаешь, как к тебе относятся окружающие? Жители оазисов?

— Что? — Вопрос застаёт меня врасплох. Я провожу рукой по слегка вспотевшей голове. — Нет.

— Они боготворят тебя.

Я усмехаюсь.

— Что? С чего бы это?

— Посуди сама. — Она встаёт со стула и начинает расхаживать по шатру. — Наше общество на грани вымирания. Все уже давно подготовлены к этому. Казалось бы, в такое время человеку прежде всего нужна вера во что-то большее, вроде бо-

гов, чтобы примириться со смертью. Но поскольку смерть в любом случае неминуема, люди приняли её. А значит нет страха смерти. И не нужны боги. Но вера всё равно свойственна человеческой природе. И она устремлена на то, что люди могут видеть, слышать и осязать. На то, что помогает им жить дальше. На то, что придёт на помощь. На живую надежду. На тебя, Ари.

— Нет. Не может быть. Это ерунда. Я не собираюсь играть тут какую-то «избранную».

— Половину своей жизни, больше тридцати лет, ты помогаешь каждому оазису на Эндгейме. Ты стала легендой этой планеты!

— Даже если так! — вскрикиваю я, но тут же понижаю тон, успокаиваясь. — Вы требуете, чтобы я отправилась с этой кучкой учёных к Штормовому пятну? Никто из нас не вернётся! Вы знаете, как опасно в ночное время суток в пустыне! Песчаные волны, сильный ветер, полноценные бури, накрывающие оазисы! Исключено.

— Я от тебя ничего не требую, Ари, — тем же спокойным тоном отвечает она. — Но прошу тебя подумай. Ты самый лучший проводник на планете. Ты знаешь, как устроена пустыня. Ни один караванщик не сравнится с тобой. В конце концов, только у тебя есть последний корабль на этой планете.

— Вы сами-то что думаете об их теории? — спрашиваю её я.

Она на секунду задумалась.

— Мне очень хочется верить, что новый спутник поможет. А ещё я верю в тебя, и в то, что ты вместе со «Спиритом» — единственные, кто может доставить археологов в нужное место и узнать ответы на все вопросы. Стоит принять решение, Ари.

Я смотрю на неё исподлобья, не веря тем мыслям, которые вертятся у меня в голове. Похоже,

у меня нет особого выбора. Придётся действовать вопреки здравому смыслу.

Пятно

Мы покидаем Оазис 7 ранним утром. Ночью всегда лучше отсиживаться по городам из-за повышенной волновой активности. К сожалению, на обратной стороне Эндгейма, где и находится Штормовое пятно, часто бывают песчаные бури в любое время суток и перерастают в настоящий шторм. Песок летит со всех сторон, волны высотой метров двадцать и более, сильнейший ветер. Так что нет разницы, в какое время оказаться в этом проклятом месте.

Я смотрю на приборную панель и вижу, что один из двух искусственных спутников как раз проходит по орбите у нас над головами, и сверяю местоположение. Но от нового всё ещё нет сигнала.

До Штормового пятна остаётся меньше 500 морских миль. По моим расчётам мы прибудем к нему как раз под конец дневного времени суток, и, возможно, к разгару шторма. Будет очень сложно попасть в самый центр пятна, куда хотят археологи. Я удержу «Спирит» на плаву сколько получится, но, скорее всего, это билет в один конец. Последнее плавание на этом свете. Но если большинство жителей оазисов верят в меня, то во что же верить мне, как не в возможность спасти их. Таков мой план. Каким бы безумным он не был.

Я вглядываюсь вперёд, убеждаюсь, что на протяжении ближайших миль нет серьёзных препятствий, оставляю ИИ «Спирита» самостоятельно рулить и спускаюсь на палубу, а затем, вместе с археологами, в трюм. Там я выдаю им «тревожные рюкзаки», в которых держу запасы еды

и воды на сутки (104 часа), если потребуется покинуть галею. Всего у меня их пять, каждый получает по одному, а запасы из последнего я распределяю между остальными.

Затем мы идём ко мне в каюту. Археологи располагаются внутри: Раст, прихрамывая на правую ногу, и Трой остаются у двери, а Кэс садится на стул рядом с письменным столом слева от койки.

— Перед там, как я услышу от вас все подробности, — начинаю я, — хотела бы сказать, что считаю вас кучкой сумасшедших идиотов, витающих в облаках и желающих покончить с жизнью весьма извращённым способом. Чем ближе мы подвигаемся к Штормовому пятну — тем опаснее. Буря, огромные волны. «Спирит» может просто разорваться на части, а нас сразу же занесёт песком. Это просто самоубийство.

— Раз так, почему ты согласилась? — хмуро спрашивает Раст.

— Не знаю. — Я выдыхаю и облокачиваюсь на стену у койки. — Может быть захотелось сделать в своей жизни что-то большее. А может это просто глупый импульсивный поступок, или потаённая жажда приключений. Что ж, товарищи археологи, теперь вы отвечаете на мои вопросы. Каким образом вы собрали ракету и спутник? Да ещё и отправили в космос?

Мои напарники переглядываются, словно решают, что ответить.

— Это не совсем спутник, — отвечает Трой. — Это кротовый маяк.

Я раскрываю рот от удивления.

— Что? Откуда он у вас?

— Мы нашли один недалеко от Оазиса 5, когда тот ещё существовал. Была очередная буря, по-

сле которой ближайшая сопка переместилась, а на её месте из песка торчали тысячи обломков. Мы несколько недель провели там до следующего шторма и успели откопать практически неповреждённый маяк. — Кэс старается говорить сухо и ненавязчиво, но по горящим глазам видно, что это было главное открытие в её жизни.

— Но как вы собрали ракету? И откуда топливо?

— Ни откуда. Кротовые маяки хранились в, своего рода, ракете изначально. Ими выстреливали, как торпедами, в космосе, и там они уже принимали нужное положение. Топлива хватало для придания ускорения, маневрирования и последующего торможения. Мы просто использовали всё это топливо, чтобы поднять маяк на орбиту Эндгейма. Правда, мы не знаем, достиг ли он её. Поэтому нам нужно на «Полночь», чтобы выйти с ним на связь, — поясняет Трой.

— С чего вы решили, что «Полночь» не разобрали на запчасти?

С ответом спешит Кэс.

— Мы несколько лет провели в разных оазисах, ведя раскопки. На самых первых, в основном. И везде, где сохранились какие-то данные, упоминалось, что «Полночь» постоянно находилась на орбите планеты. Командование регулярно отправляло челноки для основания поселений. Мы обнаружили несколько подобных сообщений на старых компьютерах, но, в конце концов, «Полночь» решили почему-то спрятать в «тени».

— И вы решили, что «тень» — это Штормовое пятно? — спрашиваю я.

— Это единственное место, где есть достаточно большая естественная тень, к тому же постоянная.

— Откуда тогда взялись обломки около Оазиса 5 и практически целый кротовый маяк?

— Мы не знаем. Может они сбрасывали детали как балласт, а может что-то произошло на корабле, — отвечает Кэс.

— Но зачем корабль вообще прятать? — Я вскидываю руки, а мой голос становится каким-то писклявым.

— Может быть Предки оставили на «Полночи» что-то такое, что ненужно было находить, — перехватывает Трой.

— И как вы планируете найти её?

— Мы надеемся, что корабль будет замечен. Может быть какая-нибудь часть обшивки торчать из песка, — не очень уверенно отвечает Кэс.

— То есть случай? Весь ваш план — это случай? — Белокурая кивает головой, будто сожалея такому ответу. — Хорошо. Предположим, мы туда попадём. Что дальше?

В разговор вновь вступает Трой:

— Мостик наверняка сохранился. Я уверен в этом. Это самый главный элемент корабля. Даже если «Полночь» разобрали, мостик должен остаться нетронутым на случай, если надо будет с кем-нибудь связаться. Итак, мы находим корабль, пробираемся внутрь, выясняем, где кротовый маяк, решаем проблему, если она есть, и надеемся, что за нами кто-нибудь прилетит.

— А если проблему решить не удастся? — Я смотрю Тройю прямо в глаза.

Младший напряженно переглядывается с остальными своими товарищами.

— Тогда мы либо уходим отсюда ни с чем, либо там же и умрём, — подытоживает он.

Я лишний раз убеждаюсь в своей правоте: эти дети не знают, что делать. Но я киваю в знак понимания и поднимаюсь с койки. Потом зову всех с собой на мостик и даю указания. К ночному вре-

мени суток мы подберёмся близко к Штормовому пятну, а значит надо быть готовыми, каждый должен выспаться. Я объясняю всем троим основы управления «Спиритом». На инструктаж уходит более часа, после чего я отправляюсь спать в свою каюту, оставляя Расти у штурвала. Кэс и Трой уходят спать в трюм. За корабль я спокойна, где не справится Раст, поможет ИИ, в крайнем случае приду я.

Через тридцать шесть часов мы подходим к Штормовому пятну. Небо потемнело ещё сильнее, а над головой висел Стех. Пустыня волнуется. Граница пятна видна невооруженным взглядом: чёрная полоса, простирающаяся от горизонта до горизонта. Я грубо перехватываю управление «Спиритом» у Кэс ровно в тот момент, когда вижу в миле от нас новообразовавшуюся огромную волну, высотой несколько десятков метров. Цунами из песка.

— Приготовьтесь!!! — кричу я и мысленно готовлюсь никогда отсюда не вернуться.

Ветер усилился в ту же секунду, по стеклам на капитанском мостике забарабанили песчинки. Видимость сильно упала и единственное, что сейчас важно я вижу: огромную параболическую волну.

Я наклоняю штурвал влево, выравнивая нос судна под прямым углом к волне, убавляю мощность двигателей обратной гравитации до 30% под носом корабля, как только нас начинает задирать вверх, а под кормой оставляю на 100%, чтобы лучше контролировать равновесие. Штурвал в моих руках дрожит, «Спирит» ходит ходуном. Из-за резкого подъёма археологи падают на пол.

Достигнув гребня волны, я вижу уже следующую. Впадина между ними довольно широкая,

есть вероятность, что «Спирит» не сожнёт пополам. Как только мы начинаем спуск, я меняю мощность двигателей наоборот. Нос корабля чуть поднимается, а корма едва касается песчаной поверхности. Мы стремительно летим вниз. Песок с ужасным грохотом стучит по стеклу, кое-где появляются трещины. Археологи по-прежнему лежат на полу, вцепившись в поручни на стенах и орут так громко, что у меня закладывает уши. Я сама с трудом сдерживаю крик. Руки ужасно болят от вибрации штурвала.

Как только мы опускаемся на дно впадины и нас подхватывает следующий вал, я вновь проделываю манипуляцию с двигателями. На гребне я вижу, что новая волна значительно меньше этой и позволяю себе немного расслабиться. Мы аккуратно, но очень быстро, спускаемся. И тут прямо по курсу я вижу торчащую из песка каменную глыбу. Я поворачиваю штурвал вправо, стараясь избежать столкновения, и в этот же момент нас подхватывает следующая волна. Пытаясь удержать равновесие, я совсем забываю переключить двигатели, оставляя их в старом положении, и, пока мы поднимаемся, «Спирит» разворачивает на 180°. Я даю полный вперёд, чтобы замедлить движение. Металл корабля отзывается недовольным гудением. Мы движемся задом и, наконец, начинаем скользить по волне вниз, немного сбавляя скорость. Археологи орут пуще прежнего, и я вместе с ними, глядя назад и пытаюсь рулить.

Но впадина между этой волной и следующей слишком узкая. Я понимаю, что если заходить под прямым углом, то «Спирит» разорвёт. Я выворачиваю штурвал вправо, судно неохотно подчиняется, а мы несёмся вниз. Корабль становится параллельно следующему валу, но левый борт поднимается

выше другого. Я даю полную мощность маневровым справа, выставляя двигатели обратной гравитации на 100% с каждой части корабля.

— Там! Смотри! — кричит Кэс, когда мы находимся на вершине нового гребня, и указывает куда-то прямо.

Сквозь песок и темноту я вижу скалы, которые сформировали что-то вроде чистого коридора где-то внизу. В конце этого каменного коридора я замечаю огромную металлическую обшивку, торчащую из песка, над ней — прозрачный смерч закручивается в спираль, а вокруг песчаные волны и буря. Я поворачиваю голову к Кэс, киваю, отключаю маневровые и направляю «Спирит» туда.

По мере приближения к скальному коридору, я понимаю, что в него идеально войдёт галей. Слово каменная порода не естественного, а искусственного происхождения. Полностью сосредоточившись, я втискиваюсь в него прямо перед тем, как нас должна была подхватить следующая волна. «Спирит» задевает одним бортом камень, из-за этого я на мгновение отвлекаюсь, теряю управление, и судно ударяется другим бортом о стенку коридора. Я отлетаю назад от штурвала, потом меня подбрасывает вверх, и я ударяюсь спиной о потолок капитанского мостика. «Спирит» на полном ускорении несётся вперёд по коридору прямо к металлической обшивке.

— Приготовиться к столкновению! — кричу я.

Но в этот момент Раст успевает поднять и на приборной панели отключить двигатели и ускорители. «Спирит» отзывается уставшим урчанием и плашмя падает дном на песок, больше не удерживаемый в воздухе. Судно почти сразу тормозит, нас ещё раз подбрасывает.

Всё затихает. Песок редко стучит, ветра совсем нет. Мы с трудом поднимаемся на ноги.

— Чёрт возьми, смотрите. — Кэс дрожащей рукой указывает вперёд.

Опираясь на приборную панель, я встаю и вижу металлическую обшивку прямо перед носом «Спирита». Надпись наверху огромного корабля Предков практически стёрлась, но метрах в ста над нами можно прочитать: «Полночь». Я опускаю глаза вниз, к тому месту, где заканчивается скалистый коридор и вижу внушительный люк для входа внутрь. У меня сразу перехватывает дыхание, когда я замечаю слова прямо над ним: «Оазис 1».

Полночь

Раст закрывает за нами шлюз с ужасающим металлическим грохотом. Звук эхом проносится по призрачному кораблю. Мы словно попали в лоно древнего мёртвого божества, и теперь оно медленно пробуждается. На потолке бесконечно длинного коридора загораются осветительные приборы, яркий холодный свет бьёт по глазам, но они быстро привыкают. По кораблю раздаётся искусственный женский голос:

— Внимание! Обнаружено присутствие неавторизованных лиц. Боевые системы приведены в полную готовность. Огонь при визуальном контакте разрешён. — Мы в страхе прижимаемся к холодным стенам, готовясь к немедленному уничтожению. — Внимание! Ошибка! В доступе к боевым системам отказано. Оборонительные протоколы отключены. Срочно: ответственному персоналу явиться на мостик для дачи разъяснений.

— Фух, пронесло, — выдыхает Трой и отходит чуть в сторону. — Думаю, нам тоже стоит туда заглянуть.

На стене за его спиной оказывается стрелка с надписью «Мостик», указывая направление дальше по коридору. Мы двигаемся вперёд, осматриваясь по сторонам. Впереди, хромая, идёт широченный Раст, на пару шагов позади Трой, а я и Кэс замыкаем группу. Время от времени мимо нас проплывают каюты, отсеки и большие открытые помещения, но везде пусто. Нет столов, стульев, кресел, кроватей; нет книг, стаканов, столовых приборов, компьютеров; только голые холодные мёртвые стены и никаких признаков жизни. Зато воздух внутри корабля какой-то другой. Свежий, вкусный, бодрящий.

— Почему Раст хромает? — я заметила это ещё на своём судне, но спрашиваю только сейчас.

— Когда мы выкапывали кротовый маяк, какой-то здоровенный кусок металла упал ему на ногу, — отвечает Кэс.

Я понимающе киваю.

— Какой огромный корабль, а я была уверена, что его полностью разобрали, — произношу я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это только верхушка. Рискну предположить, что остальная часть глубоко под песком, — отвечает Трой. На его лице сверкает улыбка. — Корабли с колонистами Предков были рассчитаны на тысячи и тысячи людей на борту, а в длину иногда достигали километра.

— Внимание! — вновь раздается голос мёртвого божества, но каждое слово даётся ему как будто с трудом, искажаясь. — Обнаружено присутствие члена экипажа. Полный доступ к системам корабля и навигатору «Кара» ... разрешён.

— Кара? — вполголоса переспрашивает Трой.

Я удивленно приоткрываю рот. Кэс поворачивается ко мне, пока мы продолжаем аккуратно идти

вперёд, переступая с ноги на ноги, словно ожидая попасть в ловушку.

— Значит ты отсюда, Ари?

— Не уверена, — качаю я головой.

Она явно удивлена такому ответу.

— Но это же Оазис 1. И тебя только что назвали «членом экипажа»!

— Может это просто какая-то ошибка в программе? Я не узнаю это место. Никогда здесь не была. Хотя, возможно, просто не помню. Меня довольно сильно приложило о потолок «Спирита» тридцать лет назад. — Я пожимаю плечами и улыбаюсь.

Мы блуждаем по коридорам больше часа, поднимаемся наверх десятки этажей по запутанным лестницам, но в конце концов находим мостик. Дверь внутрь закрыта. Лишь узкая щель в проходе говорит о том, что когда-то она открывалась автоматически в разные стороны. Мы несколько раз попробуем нажать на панель рядом, но ничего не происходит. Раст резко выдыхает, просовывает руки в узкую щель и с трудом раздвигает дверь. Не полностью, но достаточно, чтобы мы протиснулись внутрь.

Помещение просто огромное. В центре зала круглый стол и двадцать кресел. Внутри стола какое-то подобие большой тарелки, предназначение которой мне пока непонятно. Всё это похоже на зал для совещаний. По периметру много разнообразной аппаратуры, всё ещё работающие компьютеры, какие-то мигающие лампочки, переключатели, рычаги и кнопки. Чуть в стороне установлено роскошное кресло, прямо напротив огромного иллюминатора во всю стену, шириной несколько десятков метров. Я провожу рукой по одной из приборных панелей и на пальцах остается внуши-

тельный слой пыли. Мы медленно обходим стол, рассматривая всё вокруг. Здесь мы впервые видим тела, вернее скелеты. Их всего два, оба сидят на стульях за круглым столом в своих последних позах. Кэс подходит к скелетам и замечает у них на остатках одежды таблички с именами.

— Роберт Уэллс и Анна Кинг. Умерли не естественной смертью, — констатирует она. — У Уэллса в груди сквозное отверстие, это видно по ребрам, кости слегка опалены. Похоже прямое попадание из плазменного оружия в сердце. Он умер мгновенно.

— А вторая? Кинг? — уточняет Раст.

Кэс осматривает череп члена экипажа.

— Она... — археолог вздыхает. — Она покончила с собой. Отверстия на подбородке и затылке. Приставила пистолет, и луч прошил череп. Тоже умерла мгновенно.

— А ты неплохо разбираешься в этом, — подмечаю с недоверием я.

— Я проходила поверхностный курс по патологической анатомии и антропологии.

— Чего?

— Не важно, — отмахивается Кэс.

— Но оружия рядом с ними нет. И даже следов крови. Кто-то явно перетащил их сюда. — Раст проходит рядом, осматривая тела.

— Возможно, этот парень, — подаёт голос Трой.

Он стоит в глубине зала, на противоположной стороне от входа, у массивной двери с небольшим иллюминатором. Мы подходим к нему и заглядываем внутрь. Крошечное белое помещение, с четырьмя стеклянными цилиндрическими установками до самого потолка. Внутри них прозрачная бурлящая жидкость, заполняющая половину объёма каждой ёмкости. В дальнем конце помещения

постамент, на нём кубический серебристый кейс с какой-то эмблемой, вроде планеты, вращающейся вокруг звезды. На полу в комнате лежит ещё один скелет, на нём остатки ткани, которая когда-то была белым халатом. Скелет лежит на боку, в левой руке сжимает какое-то прямоугольное устройство, в правой — пистолет.

— На двери кодовый замок, — подмечает Трой.

— Тут что-то есть.

Мы оборачиваемся на голос Расти, который указывает на работающий компьютер за круглым столом в центре зала. Трой подбегает к нему и садится изучать технику. Его пальцы забарабанили по клавиатуре.

— Тут есть сообщение. Похоже оно... для нас. — Он нажимает кнопку и в центре стола над тарелкой возникает трёхмерное изображение. — Ух, ты. Голографическое проецирование.

На записи появляется человек. Он сидит в том самом кресле, где расположился Трой. Его лицо кажется мне знакомым: лысый, с короткой рыжей бородой и бакенбардами, блестящие зелёные глаза, широкий нос с горбинкой, пухлые губы и щёки. На его лбу испарина, он выглядит бледным и уставшим. В нижнем углу голографического изображения мигают цифры: 2717 год.

— Хм, 31 год назад, — едва слышно шепчет Трой.

— Приветствую тех, кто это смотрит, — начинает человек. — Меня зовут Дерек Голеш, я и все остальные члены экипажа мертвы. Но, по всей видимости, вы смогли преодолеть Завесу, а значит, не всё потеряно. Ах! — Дерек вздрагивает явно от боли, он поднимает правую руку и показывает кровь на ней. — Я сильно ранен и точно не выживу. Больше двух часов назад Уэллс активировал

Завесу и началась буря. Я собирался уйти, но решил, что не могу бросить здесь УТФ. А-а-а! Чёрт. Небольшой обломок нашей старой шляпки угодил мне прямо в живот. У меня сильное кровотечение, но я успею всё подготовить. Уверен, у вас много вопросов. Некоторое время я восстанавливал архивные видеозаписи «Полночи». Посмотрите их и у вас сложится кое-какое впечатление о том, как цепочка неправильных решений привела ко всему этому.

Изображение поменялось. Судя по записи, действие происходит всё здесь же, на мостике. Подпись внизу обозначала дату: «12 апреля 2111 года», больше шестисот лет назад. В круглом помещении несколько десятков человек, каждый сидит за компьютером, но в центре кадра две женщины. Одна в серой форме с погонами сидит в кресле напротив иллюминатора, её волосы завязаны в тугий хвост. Насколько я знаю, люди тогда жили намного меньше, так что я бы дала ей лет пятьдесят-шестьдесят. Мне тоже чуть больше шестидесяти, но я выгляжу моложе. Она подписана как Изабель Кинг (капитан «Полночи»). Длинный острый нос, орлиный взгляд. Рядом с ней женщина по имени Элизабет Голеш (глава Корпуса Колонистов). Такая же подтянутая, как Кинг, но с короткими тёмными волосами и круглым лицом.

— Ну что, ты готова? — спрашивает она.

— Лейтенант, — обращается капитан к кому-то из членов экипажа. — Приготовить «Полночь» к прыжку.

— Первый корабль колонистов под женским управлением! Это фантастика! Изи, мы это сделали! — радуется Голеш.

— Да, Элизабет, сделали.

— Мэм, альфа-маяк готов, — докладывают ей.

— Открыть червоточину. Все готовы к прыжку в случайную точку галактики?

Изображение исчезло и его сменило новое. Действующие лица остались те же, только годом позже. Место действия сменилось на каюту.

— Изабель, давай вернёмся назад и попробуем другое место, — говорит Голеш.

— Исключено, — отрезает капитан корабля. — Готовь людей.

— В этой системе одна планета, у которой есть пригодная для дыхания атмосфера и на этом её плюсы заканчиваются. Слишком высокая температура, слишком долгое время суток, слишком близкое расположение к звезде, практически нет воды, на полюсах такая же жара, как на экваторе. Здесь будет очень тяжело жить, может даже невозможно.

— Нет, мы колонизируем этот мир. Я не собираюсь возвращаться в Солнечную систему и докладывать о неудаче с первого прыжка. У нас много генераторов окружающей среды. Сможем сделать сотни небольших поселений по всей планете. К тому же есть отличное место, где всегда тень. А добыть воду не проблема.

— Но тут даже нет никаких ресурсов, кроме треклятого песка! Изи, нам больше не надо никому ничего доказывать. Задвинь свои амбиции на задний план и подумай о людях. Ты действуешь вопреки разуму!

— Амбиции тут ни при чём. Даже из песка можно что-нибудь добыть. К тому же ты гений, выкрутишься.

Голеш выпрямляет спину и глубоко вдыхает.

— Как глава Корпуса Колонистов, я заявляю тебе от лица тысяч людей в криосне, что эта планета не подходит для заселения. Мы должны вернуться через маяк обратно к Плутону и совершить прыжок в другую часть галактики.

Кинг подходит к ней вплотную.

— Как капитан этого корабля, я приказываю тебе подготовить людей к колонизации. — Она проходит мимо неё, но останавливается в дверном проёме и вновь обращается к Элизабет: — Забыла тебе сказать, я приказала вывести кротовый маяк из строя. Теперь — это не более, чем светящаяся лампочка в ночном небе. Пока ты не придумаешь, как сделать эту планету пригодной для постоянной жизни, никто не уйдёт из системы. — Голеш не оборачивается на неё. Кинг делает паузу, а потом продолжает более мягким тоном: — Не мы, так наши дети или внуки покорят этот мир. И мы будем ими гордиться. Разговор окончен.

Она покидает каюту, и изображение вновь пропадает. Следующий разговор происходит между двумя членами экипажа, имена которых даже не подписаны, где-то в одном из сотни бесконечных коридоров. Свет постоянно мигает, раздаётся звук сирены. Точной даты уже нет, только год: 2134.

— Что происходит? — спрашивает один.

— Кинг убила Голеш, а после началась потасовка со старшим офицерским составом. Капитан тоже мертва, — отвечает другой.

— И что теперь делать?

— Я не знаю. Давай вернёмся к начальству.

Изображение вновь меняется. На этот раз за круглым столом собралось двадцать человек. Всё тот же 2134 год.

— Значит, реактор уничтожен, Томас? — спрашивает человек в форме с бейджем «Кермит Уэллс», сидящий на месте Троя.

— Да, сэр. — Поднимается совсем молодой юноша с надписью на белом халате «Доктор Томас Голеш». — Корабль больше не взлетит. У нас нет ре-

сурсов, чтобы создать новый реактор. Взрывом почти полностью уничтожило лабораторию, резервные кротовые маяки разнесло по пустыне на мелкие детали, задело складские помещения с генераторами окружающей среды. Их осталось много, но не так много, как хотелось бы. Нам очень повезло, что корабль смог долететь до тени.

— А из генераторов нельзя собрать новый реактор?

— Нет, они предназначены для создания благоприятной среды, а не топлива для межзвёздных путешествий.

— Чёрт, проклятые лоялисты, они нас всех похоронили на этой треклятой планете! Есть предложения?

— Мы можем попробовать из генераторов окружающей среды сделать что-то масштабное. Что-то большее, чем один оазис. Терраформировать планету, — отвечает Томас.

— Если это наша единственная надежда выжить в этом мире — действуй. Сколько это займёт?

Голеш тяжело вздыхает.

— Учитывая чуть ли не полное отсутствие инструментов, синтезирование необходимого числа и количества газов, семян растений для озеленения планеты, генерация плодородной почвы — всё это займёт сотни лет. Боюсь, капитан Уэллс, даже не моим детям придётся это заканчивать.

— У нас всё равно нет других вариантов, — отвечает новый капитан. — Так, личный состав, слушай распоряжение. На корабле остаётся только критически важный персонал, доктор Голеш и я. Остальным приказываю покинуть «Полночь» и распределиться по оазисам. Поддерживать порядок и передавать знания, но ни в коем случае не раскрывать местоположение корабля.

— Капитан! — Из-за стола встает один из старших офицеров. — А как же лоялисты? И что делать с сыном Кинг?

Уэллс вдохнул и покачал головой.

— Чтобы они не натворили, лоялисты тоже люди. Они хотели, чтобы мы остались на этой планете, и у них получилось. Не трогайте их. Что касается второго вопроса, сын Изабель Кинг останется здесь, под нашим присмотром.

Картинка исчезает и над тарелкой в центре стола появляется Дерек.

— Вот чем мои Предки и я занимались последние полтысячелетия — созданием устройства терраформирования. Завеса должна была усилить действия газов, своего рода клонировать молекулы и выбросить в атмосферу, создав благоприятную среду на всей планете. А вместо этого, она приняла форму постоянного урагана, через который никто не сможет попасть внутрь корабля. Но если вы это смотрите, значит у вас получилось, и вас отделяет всего лишь шаг. Мы хотели сами запустить УТФ, но прибор был не готов. Ему требовалось ещё каких-то 10–12 лет для завершения формул. Но мы поссорились. Уэллс запустил Завесу и хотел подсоединить УТФ к ней, Кинг пыталась помешать и выстрелила в него. Когда я прибежал на мостик, Уэллс был уже мёртв, а у Анны тряслись руки. Она сказала, что сожалеет обо всём и покончила с собой у меня на глазах. А-а-ах! — Голеш опять взвыл от боли, а из глаз хлынули слёзы. — Я... я перетащил их тела сюда. Просто не мог оставить их лежать на полу. Ах, чёрт, что мы наделали? Я собираюсь...

Запись пропала.

— Внимание! Во время записи обращения доктора Голеша произошёл скачок напряжения, в свя-

зи с набором мощности Завесы. Запасы энергии были перенаправлены с некритичных объектов на неё, — проинформировала навигатор Кара.

— Чёрт. Нас отделяет одна единственная дверь, чтобы включить УТФ, но мы не знаем пароль! — выкрикивает Трой от беспомощности и ударяет кулаком по клавиатуре. Несколько кнопок падают на пол.

— Если всё это время «Полночь» была здесь, с оставшимися членами экипажа, почему они не выходили на связь? Почему не просили о помощи и не пытались помочь нам? — в голосе Расти прослеживались нотки отчаяния и раздражения.

— Думаю, таким образом они и пытались помочь. — Кэс подходит ближе к Расту. — Только представь, если все оазисы знали о корабле, люди массово бы ринулись сюда. Они могли своим присутствием сорвать все планы по созданию этого УТФ. Кто знает, что ещё произошло бы. Это паршиво, но так было лучше. Теперь у нас есть новая надежда, осталось узнать от неё пароль.

Я чувствую слабость в ногах, всё тело дрожит и падает на ближайшее кресло. Мои спутники с удивлением оборачиваются. На лбу выступает пот, но не от жары, а от осознания. Голова болит. В мозгу сверкают какие-то вспышки, картинки, эпизоды.

Я действительно была здесь, может даже родилась тут. А тот человек, из моих снов, моих воспоминаний — это безусловно Дерек Голеш.

— Попробуйте «Арианна», — едва слышно шепчу я.

— Что с тобой? Ты в порядке? — хором переспрашивают археологи.

— Моё полное имя — Арианна. Арианна Голеш. А там, — я указываю на запёртую дверь, — похо-

же лежит мой отец. И вполне вероятно, что он использовал имя своей дочери для входа.

Дверь открывается с шипящим звуком.

Я прохожу внутрь на подкашивающихся ногах и присаживаюсь на корточки рядом с останками отца. Хотелось бы мне чувствовать что-то, но я просто не помню этого человека и жизнь на корабле.

Я вытаскиваю у отца из левой руки прямоугольный тонкий прозрачный предмет, похожий на пластину с небольшим экраном.

Устройство холодное, но сразу оживает, как только касается моей ладони. На нём появляется надпись: «Прослушать запись? Сохранить?». Я нажимаю «Прослушать».

— Чёртова нехватка питания. Слушайте, раз вы сюда попали, значит либо знаете мою дочь, либо она выжила на шлюпке, когда нас разделил ураган. Арианна, доченька, если ты это слышишь, прости, что не бросился за тобой. Но работа, которую вели здесь наши с тобой Предки намного важнее. Я просто не мог это так оставить. Ари, если это действительно ты, значит второстепенного сырья в Завесе ещё должно хватить. Открой сундук на постаменте, внутри на верхней части будет четыре колбы с зелёным, фиолетовым, красным и синим газами; от них в стороны отходят трубки, которые ведут к портам на стенках сундука. К ним надо подсоединить шланги соответствующих цветов от цистерн с сырьём. Защита от дурака, всё элементарно. И, наконец, внизу сундука большая колба с различными семенами, которые устойчивы к жаре и практически не требуют воды. Подключи к ней чёрный шланг. Они будут расти несмотря ни на что. Кгх... — отец закашлялся, были слышны какие-то булькающие

звуки. — Используй этот шанс. Я люблю тебя, Арианна.

Звук выстрела, но запись всё ещё продолжалась. Отец не подавал признаков жизни. Видимо диктофон работал, пока не кончился заряд, а рука стала слишком холодной, чтобы подзаряжать устройство от тепла.

Я кладу пластину с экраном в карман и открываю сундук на постаменте. Внутри всё, как и сказал отец.

Я подключаю шланги к нужным портам, но ничего не происходит.

— Черт. Эм, Кара, запусти, пожалуйста, УТФ, — даю команду я.

— Внимание! Команда к запуску устройства терраформирования получена. После выполнения всех процедур, проект «Завеса» завершит свою работу. Вы готовы продолжить? — последняя фраза почти полностью потерялась в шумах и искажениях.

— Да.

Колбы с газами мгновенно пустеют. Цистерны вокруг нас окрашиваются в характерные цвета и жидкость из них быстро исчезает, уплывая куда-то вниз.

— Внимание! Работа проекта «Завеса» завершена.

— Кара, — вновь обращаюсь я к навигатору, — доложи о состоянии кротового маяка.

— Статус кротового маяка в системе Тая: неисправен. Создание червоточины к Солнечной системе: невозможно. Связь через червоточину с Солнечной системой и другими маяками: невозможно. Прибытие в систему Тая: невозможно.

— Чёрт возьми, — на лицах археологов полное отчаяние.

— Кара, начни поиск новых кротовых маяков в системе, — команду я.

— Команда принята, начинаю поиск.

Мы все тяжело дышим, тела дрожат от волнения. Томительные минуты ожидания растягиваются на целую вечность.

— Внимание! Обнаружено присутствие второго кротового маяка, — голос Кары искажается, проглатывая последние слова, но мы радостно выдыхаем. — Диагностика. Создание червоточины к Солнечной системе: невозможно. Связь через червоточину с Солнечной системой и другими маяками: возможно. Прибытие в систему Тая: возможно.

Мы взрываемся от счастья и подпрыгиваем на месте, вскинув руки вверх.

— Ура!!! — кричат археологи, обнимаясь.

— Какой ближайший к нам маяк с колонистами? — спрашиваю я.

— Поиск. Найдено: ближайший маяк расположен в системе Эта Рака. Расстояние: 90 световых лет. Связь через червоточину: возможно. Установить соединение?

— Да! Да, чёрт возьми! — кричим мы хором.

Долгое время ничего не происходит. Лишь какая-то статика и помехи раздаются по всему кораблю. Мы, обессиленные, садимся за круглый стол. Я чувствую полное изнеможение.

— Да, приём, кто на связи? Назовите себя! — Грубый мужской голос прерывает наш отдых. Мы подскакиваем с места, радостно вереща.

— «Полночь»! Мы потомки колонистов с «Полночи»! Нам необходима помощь!

— Что? О чём вы? «Полночь» — это выдумка.

— Нет, нет, нет! Это мы! Мы находимся в системе Тая! — кричит Кэс. Её голос почти охрип, а из глаз текут слёзы, но она улыбается.

— Ожидайте, — отрапортовал холодный голос. Несколько минут он молчит, мы успели успокоиться и вновь сесть в кресла. — На нашей карте галактики нет никакой системы Тая. Назовите свои точные координаты.

— Мы... ох, мы не знаем. Слушайте, «Полночь» была под командованием капитана Изабель Кинг. Но корабль разбился, никто не смог вернуться. Мы заперты тут уже шестьсот лет, нам нужна ваша помощь. Найдите нас!

— Вас нет на картах, я не знаю, что... Сэр? Да, сэр, тут кто-то вышел на связь, говорят, что они с «Полночи». Что? Да, конечно, сэр, пожалуйста, попробуйте.

В эфире какие-то помехи, потом появляется совсем другой голос, низкий, но с приятным тембром.

— Это адмирал Себастьян Котик, командир крейсера «Стрела». Рады вас слышать, «Полночь»! К сожалению, без координат, мы не можем ничем вам помочь. Мне жаль.

— Если адмирал Котик, — вмешивается в разговор Кара, — передаст нам их карту галактики, я смогу отметить на ней наше местоположение и вернуть им.

— Это что искусственный интеллект? Чёрт возьми, я не слышал таких уже лет пятьдесят! Да, это может сработать, передаём вам данные прямо сейчас.

Кара справляется всего за несколько секунд, и пересылает Котику наше местоположение.

— Вот это да! Всё это время вы были так близко! Вас искали несколько сотен лет, но так и не нашли. Мы даже знали о существовании этой звезды и планеты, но не пробовали туда отправиться, просто не верили, что вы там. Нам нужно 24 стан-

дартных часа для подготовки спасительной операции и столько же, чтобы добраться до вас. Ждите и не вздумайте умирать. Адмирал Котик, конец связи.

Эфир обрывается, а на наших лицах лучезарные улыбки. Я неожиданно для самой себя срываюсь с места и иду к выходу.

— Эй, ты куда? — останавливает меня Кэс.

— Рассказать всем, конечно! Жизнь не заканчивается. Теперь есть выбор. Нас могут спасти, или мы можем остаться и, наконец, по-настоящему колонизировать этот мир, как и хотела Изабель Кинг, и всё благодаря УТФ. Я должна рассказать об этом. Сообщить новости всем оазисам. Вернусь через сутки, а вы оставайтесь тут для связи со спасателями.

Кэс кивает. Я кидаю на пол свой рюкзак и несусь по коридорам вниз. Путь, который у нас занял больше часа, я преодолеваю за пятнадцать минут. «Спирит» послушно ждёт меня у шлюза снаружи.

Я запрыгиваю на палубу, поднимаюсь на мостик и включаю двигатели обратной гравитации, фонари на носу корабля и даю полный назад. Выбравшись из скалистого коридора, я вижу, что никакого Штормового пятна больше нет.

Пустыня спокойна: ни волн, ни бури, над «Полночью» не висит прозрачный смерч. Я опускаю парус, набираю ход в 10 узлов и отправляюсь по направлению к ближайшему Оазису 6. По окнам вновь барабанят крупинцы песка. Я долго не обращаю на них внимания, выстраивая курс и сверяя местоположение.

На моём лице появляется широкая улыбка, когда я бросаю взгляд вперёд. По окнам стучит не песок. Это капли воды. **УС**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
по краю
земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN
следопыт
www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
объездного
врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
предоставлен
Уральским Центром камня

**След из бездны
времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										П6316			
на журнал										(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com													
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ПАО «Почта России» и в странах СНГ, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ПАО «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Газеты. Журналы» П6316.

			Доставочная карточка										
ПВ	место	литер	на журнал										
			П6316										
			(Индекс издания)										
Уральский следопыт. uralstalker.com													
Стоимость		подписки		__руб. __коп.				Кол-во					
переад-ресовки		__руб. __коп.		компл.									
на 20__ г. по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													